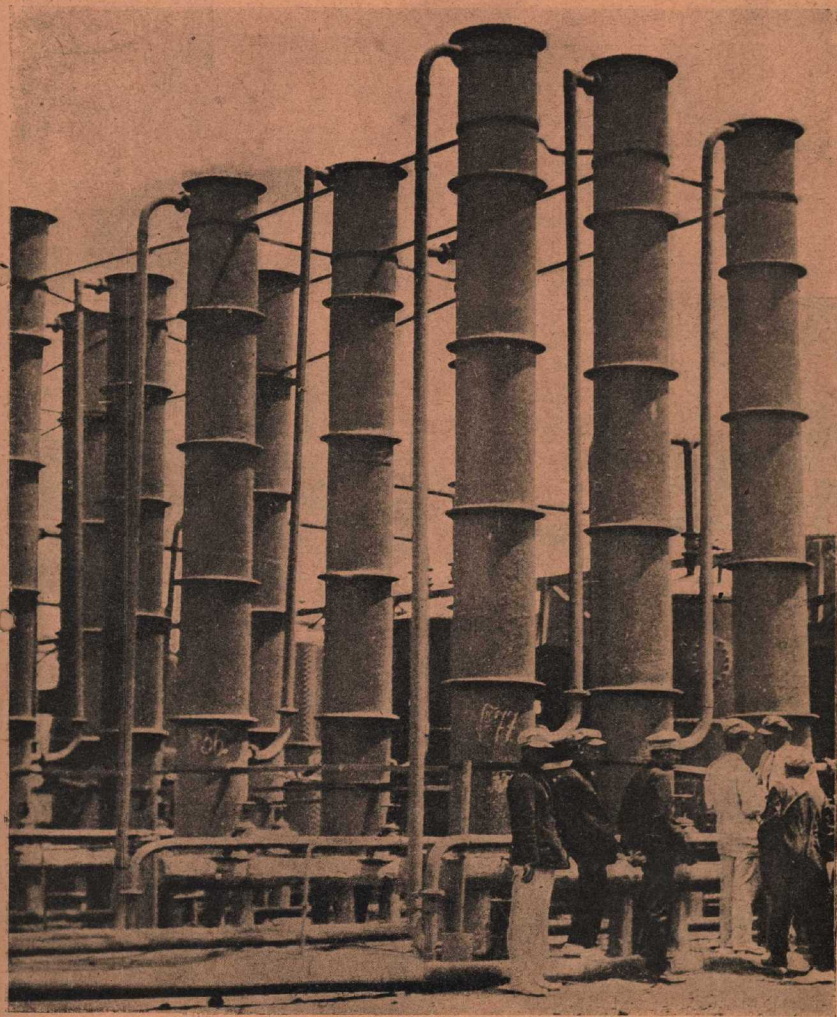

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Газелиновый завод. Аппараты близ Баку

КОМСОМОЛ В ФОТО

ОРДЕН КРАСНОГО ЗНАМЕНИ — КОМСОМОЛУ

В связи с 10-летием Красной армии Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик по представлению Революционного Совета СССР постановил

наградить ленинский комсомол орденом Красного знамени.

История Красной армии есть вместе с тем и история комсомола. Первое свое боевое крещение комсомол получил на красных фронтах.

В годы мирного строительства комсомол ни на минуту не переставал быть верным помощником советской власти в укреплении военной мощи СССР. При его активном участии и неустанной работе был возрожден Красный военный флот. Тысячи красных коммандиров вышли из среды комсомольцев. На многочисленных добровольных пунктах Советского Союза ежегодно проходят военную учебу молодые рабочие и крестьяне.

27 февраля в Центральном Доме Красной армии состоялось торжественное заседание актива московской организации ВЛКСМ, посвященное 10-летию Красной армии. На заседании выступили гг. Косарев, Муклевич, Чаплин и др. Заседание приняло постановление — предложить VIII Всесоюзному съезду избрать комсомол СССР тов. Муклевича почетным комсомолом.

На фото — т. Муклевич заправляет заседание с награждением комсомола орденом Красного знамени.

Издательством «Молодая Гвардия» в однодневный срок выпущена брошюра «Краснознаменный комсомол» (за что комсомол награжден орденом Красного знамени).

ПЛЕНУМ ИСПОЛНОМА НИМ

28 февраля — 5 марта состоялся очередной пленум Исполкома КИМ. Пленум обсудил отчет президиума ИК КИМ и вопросы о предстоящих задачах КИМ, об оргработе, о положении и задачах катаяского союза, о конгрессе Профинтерна и задачах молодежи. Пленум заслушал также доклад тов. Чаплина о работе ВЛКСМ и назначил на 1 августа открытие V всемирного конгресса КИМ.

На фото — состоявшийся недавно очередной съезд КСМ Чехо-Словакии.

КОМСОМОЛЫЦЫ НА ХЛЕБОЗАГОТОВКАХ

Центральный Комитет комсомола бросил клич: «Все деревенские комсомолцы обязаны принять участие в проведении хлебозаготовительной кампании».

Во время хлебозаготовок хорошей считалась та ячейка комсомола в деревне, которая участвовала в хлебозаготовках, которая агитировала крестьян, беседовала с ними, разъясняя значение хлебозаготовок для Советской страны.

На призыв Центрального Комитета деревенские комсомольцы откликнулись самыми разнообразными начинаниями.

В Харьковском округе в дни праздника, когда хлеб почти не поступал, комсомолцы-домохозяйки везли хлеб на сыпные пункты и этим ускоряли заготовки.

В Уманском округе, бывш. Киевской губернии, в селе Павловке по инициативе комсомольцев был создан сход, на котором село постановило

самим обложить себя на 35% налогом.

В Татарии активисты выезжали в районы для участия в заготовках, устраивали летучие митинги, устраивали читку газет.

Но, может быть, оригинальнее других сделали комсомолки-хлеборобки Армавирского округа. Чтобы заинтересовать крестьян, они решили пригласить крестьян на чашку чая.

Комсомолки добились самовар, убрали помещение школы и пригласили «отцов» в гости. Особую активность проявила комсомолка Мария Романенко. За часом она умело знала беседу, в результате которой многие из «гостей» записались, и члены комитета взаимопомощи. Впоследствии они стали агитаторами-добровольцами за усиление хлебозаготовок в районе.

В том же Армавирском округе комсомолки откликнулись на призыв партии усилить хлебозаготовки не менее интересным образом.

Они выбросили лозунг: «Мешком хлеба отвечаем Чемберлену».

И через несколько дней улицы окружного города Армавира были запружены огромным количеством груженных хлебом подвод. Впереди «хлебного поезда» верхом на лошадях ехали

комсомолы с пиками в руках, на которых красовались лозунги.

«Мешком по голове Чемберлена» и др.

Комсомол внес в работу по хлебозаготовке живую струю. Он агитировал и сейчас агитирует за то, чтобы весь хлеб пошел на элеваторы и сыпные пункты. Комсомолцы руководят селами, руководят хлебозаготовками.

Хлебозаготовками показали, насколько комсомолыцы могут

проявить активность в деревнях в важных областях работы.

На снимках — сверху и внизу: деревенские комсомолцы на сыпных пунктах; в центре: «хлебный поезд» Армавирского округа, организованный комсомолками.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУКА И ТЕХНИКА.—
КИНО И ТЕАТР.—ФИЗКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6/8, тел. 1-81-01.

Подписная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 6

М А Р Т

1928

БОЧКА

Рассказ СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВА. Иллюстрации Н. ВОЛКОВА

Борьба за культурный быт требует самого едучивого отношения к „мелочам“. Целая армия привычек, часто застарелых и неизвестных при первом взгляде, иногда оказывается сильнее самых разумных предложений и проектов. Рассказ С. Григорьева может послужить иллюстрацией к тому, как люди и в новых домах нередко сохраняют прежние обычаи и нравы. Новое не уживается со старым, старое на-смерть бьется с новым. Наши читатели наблюдают повседневную эту борьбу. Учитесь ловить эти „мелочи“, уметь разглядывать их влосты над людьми, собирайте наиболее интересные факты и шлите в редакцию, которая всемерно их использует.

ФАБРИКА наша, откуда к ней ни подой-ди, в ямке стоит,— потому что для произ-водства необходима вода, а вода скатывается с гор к низинам—таков закон природы. Если на нашу фабрику взглянуть с высоты окрестных гор и горюшек, то будет она видна, как на ла-дони—и корпуса, и фабричный поселок. Если издали посмотреть, то почти все у нас поперечнее: те же корпуса—старый опуткуатурный белый, с маленькими ок-нами, глаголет; к нему примыкает крас-ный—новый; с окнами побольше; над новым корпусом башня—гигантская; в углу меж корпусами машина и ко-тельная; две трубы—старая высокая, гранная, потоньше и пониже, и новая круглая, потоньше и повыше. Заметьте: с какой бы горы вы ни глядели на нашу фабрику—новая труба всегда выше горизонта. Это я говорю к тому, чтобы вы не очень заносились—напри-мер, рассказывают, что замки строи-сь по горам, и оттуда, сверху, рыцари правили миром чуть не тысячу лет. А вот теперь пришли и будем прави-ть миром во-веки мы, люди низмен-ных мест.

Кто давно не видел нашей фабрики, то с горки сразу приметил бы и «но-винку»—пять новых двухэтажных жилых домов по самому берегу реки Пахры. Дома деревянные, на каменистых фундаментах, с проведенной водой, электрическим освещением, уборными, канализацией, в каждом этаже ванная и душ. Строил эти дома наш красный директор Сивушов. После же ревизии «Эркин» его судили за постройку и перевели потом куда-то на партработу в Туркеспублику. Каждый жилой дом у нас—общекитие, и перед каж-дым домом бочка на колесном ходу стоит.

Большая часть наших рабочих живет по-старому, по окрестным деревням поселясь домами. В жилищах же новых домов, уходя с деревенских квартир, семейные люди из сторонних с ребятин-людки покидают. Это был первый случай, когда один из наших—Егор, стар-

ший сынок Саватеев, привез в жена Лиза-вету из Ленинграда,—она там пробир-вавшей на Невской мануфактуре работала. Егор, конечно, с отцом поругался и, не захотев с ним в старой избе жить, ушел вон с молодой женой и получил от фа-

хоть бы она и далеко метит, а все же на-ходится ближе к дому. Саватеевы пришли в наше общество не в раз. Сразу начались у Лизаветы с нашими женщинами неприят-ности.

—Почему это уборные не в гвоздем забиты? Затем вам «нолики» с водой сделали, чтобы по-деревенски до ветру не бежали.

Это Лизавета.

—Потому у нас «нолики» гвоздем забиты, что в водопроводе фабричного воды хватить не может. С ребятами нашими никакого сладу нет. Им лю-бопытно. Дернет да спустит воду. Дернет да спустит. Спускали, спу-скали—хват, пыль в прядильных загоре-лась и в «гринели» воды—ау!—нет.

Это мой супруга—банкобрышница она у меня, женщина степенная, и к склоке не имеет особенного влече-ния.

—Нет, видно вы помои в «нояки» лiali, да мусор валяли, засоряли кана-лизацию. Это некультурность.

Это Лизавета.

—Нам нужны нет в «нояки» помои лить. Это у нас, между прочим, в Ленинграде так делают—что ли? А мы еще не совсем дураки, на то есть бочка.

Это моя супруга Степанида Ива-новна.

—Какая бочка?

—Равнь свои прекрасные глаза да посмотри в око..

Разговор в общей кухне происходил. Но пока остальные женщины в разго-вор не вступили.

—Почему же в раковину не лье-те? Лишний труд на двор выбегать.

—Коли грамотная, прочитай, что на раковине объявлено. А лишнего труда на-что бояться!

—Мы роди, а она будет всю жизнь фокострот плясать

брику комнату в нашем общежитии—по-мер пятый. Бабы у нас все детские. Ока-залась Егора Саватеева супруга среди пожилых женщин одна молодая, да и он

Раковина в кухне доской покрыта и над раковиной писанное машинкой объявление:

«Беззастенчиво воспрещается выливать помой в раковину, а выбранный на пол остаток сваливать в помойку. Напротив: помой предлагается в полном составе выливать в поставленную для крыльцом общепользовательскую бочку.

Комиссия».

Прочитала Лизавета, Фиркуля:

— Я вношу предложение!

— Вноси, пожалуйста!

II

Описанный разговор возник в пятницу, а в субботу приезжает к обществу — обыкновенно, верхом — местный крестьянин из деревни Ликино, а поперек шеи у коня дута лежит. Соскакивает крестьянин с коня и загибает его в бочку — потому что и бочка его собственная; поменяв в бочке палкой (и тут черной тучей от бочки мухи). Затем входит местный крестьянин, Игнат Брехов его прозванный, в общую нашу кухню и весело здоровается:

— Здорово, хозяйки!

— Здравствуйте, Игнат Николаич. За бочкой?

— За нею. Что это, хозяйки, жидковато кушать стали?

— Что поделашь, Игнат Николаич.

— Работы много — кушать больше надо. Если бы больше гречневой каши! В ней, слышь ты — я по радио слышал — а к а л о р и е в масса. Это самая преполненная вещь.

— Ау, милый! У нас в кооперативе ярица с прошлого года нет. Ты больше о сыниках своих заботишься.

— Конечно, каждый о своем думает. Жидковаты помои, — ну, что делай?

— Какие есть. За тобой еще от той недели пятерка оставалась, да за две бочки три червонца — всего тридцать пять.

Это моя Степанида Ивановна, она у нас в роде кассира по помойной части.

— А я располагал в то воскресенье отдать!

Тут в разговор две женщины вступают. Из горшков на плиту льется и шипит. Даже что-то гарько пахнет. Принужденный крестьянин вынимает три с половиной червонца и вручает моей супруге, Степаниде Ивановне.

Обратите внимание на лицо женщины, которая деньги принимает. Так губы сомкнет, да так насупится, — мне иной раз даже страшно становится. У нас — мужского пола — к деньгам отношение более мягкое. А у женщины каждая копейка гвоздем в сердце бьется.

Местный крестьянин становится на задок своих и стоя погоняет. Конь вертится хвостом. От растрепанной бочки пахнет «кондитерской». Обеспокоенные мухи роют выстой вокруг, провозжаа столь им вкусную бочку. Однако, благоразумие берет верх — скоро мухи отстают от бочки, возвращаются и покрывают черными стены дома. Так они и пробуздут в спокойном оживлении до понедельника, когда бочка вернется на свое обычное место, хотя и пустая, но мухам и того довольно, что по бочкам халандо.

— Вам, Лизавета, в этих бочках дои еще не будет, — говорит моя супруга Степанида Саватеева: — уж с той недели начнется.

— А я и не гонюсь, — легкомысленно и гордо отвечает Лизавета. И вытряхивает в общее поганое ведро чуть не с полгоршка пшенной каши... Каша у ней вчерашняя пригорела. Еще не вычищалась кашу варить.

— Хорошо до первого брюха! И я von такая была!

Это супруга ткацкого подмастерья Сумкова, — а сама она ватерница. У ней пинеро. А шестым тяжела ходит.

Посмотрела на нее Лизавета. У Сумковой на лице — земля, и спорог выседе камешки. Жарит на огромной сковороде Сумкова «на всех своих» картошку и вода подливает горю!

Тут у Лизаветы — хотя и молодая — адрог губы звездочкой свело. «Неужели и я такая будю?» — верно, вопрос у ней явился и отлетелю сердце:

— Будешь. Несомненно!

Лизавета ничего Сумковой не возражала, сдержалась. Тогда, промедля мину-

Тогда Сумков притупил и своей супруге...

ту, другая женщина, стряхивая с шумовки пену в поганое ведро:

— А то скинут — да весь век без брюха и обходится. Мы роди, а она бедет всю жизнь фокстрот плясать.

Тут Лизавета вскипела.

— Эх, несчастные вы, товарищи! И ушла в свою комнату, как бы за лавровым листом. Конечно, таконка там жопакала. Возвратись, кинула в суп два лавровых листочка и слышит такую речь.

— Ты, Степанида Ивановна, не покупай протыкача — ольга, в кооператив привезли с известкой; купи двойной ошешенной.

— В четверть-то нету ее.

— Мало что нету. Покупай хоть в половинках — мера виднее.

— А отколь денег в залог за посуду взять? На одну посуду в половинках червонца мало.

— Тогда бери, шут с ним, про- стыка.

— А на закуску — астраханских сель- дей что ли взять...

— Возьми. Колбаски что ли еще гам-бургской...

— Булочно по одной на брата не хватит? Надесь мало показалось. Черного брата?

— Куда еро!

— Ребятам карамели мягкой ку-пить?

— Зачем мягкой. Твердая споре-е. Твердой бери.

III

Заметьте: моя Степанида Ивановна ег о рот не брала в жизнь ни капелки. Сам же я, хотя и выпиваю, но без про-гула. Поэтому к моей Степаниде И-вановне в нашем общепитии полное дове-рие. Например, в то воскресенье, когда Лизавета Саватеева отстрала свои до-ло в горькой нашей участи, такое про-исшествие было. Тот самый ткацкий подма-стерье Сумков стал к Степаниде Ивановне приступать:

— Не сыт-де я вином. Выдей мне сей-час похмельное. Все едино — сегодня ли мне выпить, завтра ли.

Степанида Ивановна пробовала его резонить:

— Если ты выпьешь нынче — так уж на-верно на работу завтра не выйдешь. Ка-кой ты показываешь пример то-вари-щам. Не дам тебе похмелья по-тому.

Тогда Сумков приступил к своей супруге и, ударив ее раза два ру-кой, хоти, припрорывшись сапогом в живот. В самом деле: родит и ро-дит — коща нет!

Пришлось мне за принуд всту-питься: оборонять беззастенчивую же-нщину-мать, и вышел у нас с Сумко-вым порядочный сурьес. Едва нас разогнали. Но ведь у нас как: раз-матывать ребята приступают после шума, а сначала еще подразаивают. Уж тогда у меня Сумкова отнимать на-чали, когда я вздумала на него го-лову пиннуть бутылку разбить. Все это происходило на самой опушке леса на горе Алфанихе, где обычно принято у нас бочку расливать, там уж у каждого общепития свое ме-стечко обложено — такие майдан-чики на дуги вытоптаны, а у бере-зишки сучья обломаны, в роде ко-лышек у вешалки, чтобы поджак или сумку повесить было способно.

С утра туда посылали от общепи-тия мальчонку, чтобы прощай вос-кресный мусор, бумажки всякие, в кучу собрал, и от этого мусора за-жигается костер, хотя тайников не кня-тима. Картина получается достойная вни-мания: сидит рабочий народ кружками у отпей, песни поет, где на гармонии играют, где на балаалайке, где пляшут, а где бузу трут, щипаются за — неделю итоги подводят — и в итоге: легкий бой!

А внизу около Пахры-реки — фабрика наша, и труба выше горизонта. Вся наша участь тут открывается взору.

Внезапно в это время приходит к на-шему кружку Лизавета. Садится. И без предупреждения — с места и без — принимает наших женщин и спрашивает:

— Стыдитесь! Что вы делаете?!

Надо вам сказать, что наша женщина к подобным нахванным словам сдела-ла вполне равнодушна. Женщины дели-катно промолчали на Лизаветини слова, а потом Сумкова и говорит Степаниде:

— Хоть и нет у Лизаветы, бабочки, сфийной доли в этой бочке, — а налей ей, Степанида, пуская она к нашей участи приобщится... Узнаем, что она такое...

Видите — Сумкова подает повод к сближению и взаимному пониманию.

Моя Степанида Ивановна, хотя не о-особо охотно, изнаеет Лизавете казен-ного вина, — с гордостью его отвер-гает. Лишь ее бледнеет, губы звездочкой свело — подобно остальным женщинам,

а глаза кровью налились и нищт жертвы. Глазами водит и выбирает по силам себе сцену соперничества. Однако, и у наших женщин в глазах огонь, — и хоть сейчас в драку. Остановила свой взор Лизавета на лице Сумковой, прикинула в уме, идет ли женщина на сносях и в драку не пойдет, дитя свое предположенное берегая. И говорит Лизавета Сумковой в лицо, а себе притихло:

— Вот ты, Сумкова, пьешь казенное вино — и не только вредящи своему собственному здоровью, но и ребенок твой родится с задатком алкоголика. Не лучше ли было бы для тебя, если бы ты свою долю получила детьми, да кума бы хоть пару-другую чудилась, а то твои девочки с продажными пятами шатаются!

Довод был действительно неоспоримый. Все захохотали, ждущ возражений со стороны Сумковой. А у той в лице paleое безумие означилось, и она говорит: — А ты, — и назвала нехорошо Лизавету, — сначала роди что одного да выкорми, тогда и разговаривай, и я опять выражалась неспешно.

Шевелит губами Лизавета, а не понять, что говорит. Наконец, пальцем на живот Сумковой кажет и бормочет:

Пьяница! Пьяница!

Намекает на то, что Сумкова еще одного возможного алкоголика родит... — Ага! Я пьяница! — завопила Сумкова, резко вскакивая на ноги, и Лизавета за кофту.

— Рви с нее плавок! — кричат Сумковой наши женщины и тоже все с земли повскакали.

IV

Даже моя супруга вдруг стаканом о землю хряст! Приподымается с земли. — А! — кричит Степанида Ивановна, — ты за нее заступаешься, ты за нее!

А я действительно Лизавету от баб заступила, и она предалась постыдному бегству с поля битвы.

Супруга на меня наскочила. Вообще говоря, с настоящим противником я от драки не прочь, но чтобы женщину бить или с женой драться, этого у меня нет. Да и со Степанидой у нас это событие чрезвычайное. В подобных случаях, как она на меня наскочит, я ей по правилам бокса кулаки свой под удар подставляю. Отшпигнул она раз-другой руку о мой кулак, — а кулак у меня жесткий, — падает на землю и кричит:

— Ох, убил! Убила меня, разбойник!

В роде того и на сей раз было. А затем, допив вино и употребив всю закусу, мы пошли с песнями домой в наше общежитие.

У нас так: если кто не рассчитывает понедельничать — то мы ложимся спать рано.

Лезу я на койке рядом со степанидой Ивановой и хотя знаю, что она не спит, не оказываю знаки полного ко мне равнодушия. Я занимаю выжидательную по-

зицию и слушаю, что в доме делается. Дом наш вполне звукопроницаемый. А за перегородкой, как раз комната Саватеев, так что у нас и слышно общее.

Лизавета давно уже лежит и вздыхает, неслышно что-то бормочет, а может быть, и плачет.

Наконец, возвращается Егор с портфелем, с конференции. Он был послан в воскресенье от нас на кустовую в Ликино конференцию.

И слышу я такой супружеский разговор.

— Лиза! Лизочек! Лиза! Лизавета! Подвинься малость. Разлегалась. Да что с тобой, все лицо от слез опухло? Кто тебя обидел?

Долго добивается он и ласками и попреками ответа; наконец, Лизавета отвечает именно так, как супруга и может ответить:

— Кто? Ты меня обидел. Где ты был?

— На конференции был, — отвечает вполне невинно Саватеев, потому что он и всамделе был на конференции...

— Ага! На конференции! Знаем мы ваши конференции!..

— Да, вот тебе мать честная, был на конференции. Доклад был о положении китайской революции...

— Ага! Китайской революции, а тут твою жену били! — выкрикнула на весь коридор Лизавета.

— Кто бил?

Тут я с места внес поправку и через стену говорю:

— Вот это напрасно, Лизавета Ивановна, — бить тебя не били, а только предлог был сделан...

— Опять? Ты опять в ее дело встревашь, — гневно шипит (я знаю, что не спит) Степанида Ивановна и начинает спихивать меня с койки.

— Помолчи там! Куда лезешь не в свое дело! — это Федор мне, стукнув в стенку кулаком, тоже советует.

Все это происходило на самой опушке леса, на горе Алфанихе...

Умолкаю и слушаю, что будет дальше. Вы скажете так: возможно ли подобное поведение нарушать общий сон перед трудовым днем? На это у меня есть

готовое возражение: вы думаете по сторонам одной только стенки подобный разговор идет? Как же! Да весь корпус так разговаривает! А то происходит событие: выбегают в чм есть в общий коридор и там идет оживленная дискуссия. Весь новый день насквозь гудит.

Между тем Лизавета развивает свою точку зрения:

— Китайскую революцию устраиваешь, а у тебя под носом жену по м о я м и обидает!

Этого не было. Но я уже молчу, имея виду свою подругу жизни.

Лизавета продолжает:

— Знаешь ты, сколько они нынче бочек пропили? На эти бы деньги в год можно клуб построить!..

— Преувеличиваешь! — трезво прикинув в уме, возражает Федор.

— Нет, не преувеличиваю!

— Вот уж у нас и помощи хотят отнять!

Это выкинула словцо моя Степанида Ивановна.

— Гражданка Совкова! — кричит Саватеев стуча в стену кулаком. — Прошу не вмешиваться.

Обратите внимание: «гражданка», а не «товарищ». Делаю замечание со своей стороны:

— Ты, Федор, поосторожней: тут гражданка нет. Веди себя сам, как товарищ, если с нами хочешь жить, а то валя в Китай!

— Ага! — кричит Федор весело. — Опозиция!

И слышу вскоил он с койки, вздул электричество, должно быть к портфелю сунулся: шелкнул замочком, слышу книжку листает, стало быть, подходящую цитату ищет.

Разговор у нас с ним в коридоре кончился.

В настоящее время у нас при фабрике клуб строится — все Лизавета; тут и ейного меда капля есть: принудила Федора не только китайскими, но и своими делами заняться. Измыслила мы на клуб средства, а бочек наших не тронули, чтобы с женщинами не обострить. Так что клуб будет параллельно работать. Лично я люблю разумные развлечения, особенно, если выпивши. Например, был я с ребятами в клубе при бывшей Смирновской прядильне на вечере самодеятельности. Клали на пол плащину пустую бутылку из-под пива, сажали меня вытянув ноги на эту бутылку, давали в рот пипирску, а в руки коробку спичек: «п а р и» — чиркнуть спичкой и закурить, не касаясь палу руками. Очень трудное. Главное — сидеть на бутылке валко, да и жестко. То тула, то сюда валишься: никак! Ну все и смеются кругом.

Товарищи читатели журнала!

Пишите и шлите редакции „СМЕНИ“ свои пожелания, предложения, замечания, касающиеся содержания журнала, какие статьи, заметки, очерки вы хотели бы прочесть в „Смене“, какие новые отделы вы хотели бы иметь в журнале.

Пожните адрес редакции: Москва, Новая п.л., д. 6/8, и что ОДИН НОМЕР ЖУРНАЛА „СМЕНА“ СТОИТ ТОЛЬКО 10 КОПЕЕК.

ТРЕТЬЕ АПРЕЛЯ 1917 г.

(ПРИЕЗД В. И. ЛЕНИНА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ)

По личным воспоминаниям ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА

КАК ни старались мы, большевики, вести свою работу всюду и везде, не считали на то, что наши силы значительно уменьшились прибытием многих и многих товарищей из ссылки с Севера, из Сибири, из тюрем, из провинции, в первые же дни после Февральской революции чувствовалось отсутствие единой воли, единого руководства во всей крайней ответственной работе, в обстановке быстро меняющихся, вмигшихся политических событий. Все чувствовали отсутствие Владимира Ильича Ленина.

И мы знали, что он там, в Цюрихе, томится и изнывает и, конечно, принимает все меры к тому, чтобы как можно скорей прибыть в Россию. Однако, никаких сколько-нибудь верных вестей не было, лишь неожиданно перелаянка кем-то из приехавших эмигрантов Л. Б. Каменеву статья Владимира Ильича под заглавием «Письма издалека», напечатанная сейчас же в «Правде», была первой восточкой из Цюриха, первым откликом Владимира Ильича на грандиозные события, совершавшиеся тогда в России. У нас проснулись смутные надежды, что как-нибудь, вслед за письмом, не придет ли он. Но вскоре разнеслось сообщение, что правительства «союзников» России — Франция и Англия — не желают пропустить в Россию политических эмигрантов — интернационалистов, боясь их антиимпериалистической революционной агитации за мир против войны.

Эти сведения имелись в Исполкоме Петроградского Совета, но никто из тогдашних его лидеров не принимал ни малейшего участия в том, чтобы помочь нашей политической эмиграции вернуться с чужбины на родину для помощи в революционной борьбе. У главенствующей тогда группы меньшевиков в Совете до такой степени были натянутые, враждебные отношения к большевикам, что когда мы после узнали, что швейцарские эмигранты послали много телеграмм в Совет, и в течение двух недель не получили никакого ответа, нам это бесцельное поведение деятелей меньшевистского Совета вполне понятно, ибо, как и во всем другом, мы, большевики, везде и всюду, встречали с их стороны лишь один помехи.

В конце марта вдруг стало известно, что Владимир Ильич находится в Швеции, в Стокгольме. Как, каким образом он попал туда, никому не было известно. Также не было известно, удается ли Владимиру Ильичу пробраться далее в Россию, ибо мы все хорошо знали, что на шведской границе Финляндии безгранично и безраздельно уже давно господствуют англичане, в России и из России. Прошло несколько дней, как вдруг пришла весть, что Владимир Ильич едет в Россию вместе с другими эмигрантами и будет вечером 3 апреля в Петрограде. Эта весть была совершенно неожиданной для всех.

Петроградский Комитет и все отдельные члены нашей партии, узнавшие об этом известии, тотчас же приняли все меры, чтобы оповестить рабочих на заводах, солдат в казармах, матросов в

Кронштадте. Газет в этот день не было, заводы не работали, почему и оповестить было очень хлопотно.

Часам к семи вечера мы собрались у здания Петроградского Комитета большевиков, который в то время помещался в бывшем дворце Кшесинской, и, раздав всем знамя Центрального Комитета нашей партии, двинулись на Финляндский вокзал, где было немного — человек двести — и мы решительно не знали, кто и сколько прибудет к вокзалу. Но чем ближе подходили мы, тем чаще встречали отдельные группы и организации рабочих.

Пение революционных песен заливало улицы. Военные оркестры с двигавшимися армейскими частями бодрили и приподнимали настроение. Ясно было, что будет достойная встреча. И когда мы пришли к площади Финляндского вокзала, то вся она уже была заполнена рабочими и военными организациями. Прикатили и мощные броневики.

Когда мы подходили к платформе, в это время почти бегом прибыли в полном вооружении матросы. Оказалось, что они только-то полным ходом пришли на рейд на лодках, так как на море был ледоход. Получив известие в Кронштадте, в Петроград прибывает Владимир Ильич, матросы пробрались «обезумно» теснотой, так много минут под ружьем. Когда команды узнали, в чем дело, они радостными криками приветствовали ошеломившее своей неожиданностью известие, тотчас организовали сильные отряды для несения почетного караула на Финляндском вокзале и охраны личности Владимира Ильича. На самом бестроханном ледоходе они в ту же минуту отправились своих представителей. И они напрямик легли в Петроград, на рейде пересели на катеры и вышли в Неву.

— Я прощу вас передать Владимиру Ильичу, — обратился ко мне офицер, командовавший почетным караулом матросов, — что матросы желают, чтобы он им как-то хзх несколько слов...

Минуты томительного ожидания тянулись слишком долго. И вот, наконец, завидевшись в туманной дали огнями, вдруг застучали колеса, забуха, захлестх паровоз и остановился.

Мы бросились к вагонам. Из пятого вагона от паровоза выходил Владимир Ильич, за ним Надежда Константиновна Зиновьева, еще и еще другие товарищи.

— Смирно!.. — понеслась команда по почетному караулу, по воинским частям, по рабочим вооруженным отрядам, на вокзале, на площади... Оркестры заиграли приветствие, и войска взяли «на караул».

Мгновению стихли человеческие голоса, только слышны были голоса труб оркестров, и потом вдруг, сразу, как бы все заколебало, вступило и грянуло ликое мощное, такое потрясающее, такое сердечное «ура», которого я никогда не слышал...

Владимир Ильич, приветливо и радостно поздравившись с нами, не видавшими его почти девять лет, двинулся было своей торпильной походкой, и ко-

гда грянуло это «ура», приостановился и, словно немного растерявшись, спросил:

— Что это?

И кто приветствует вас революционные войска и рабочие, — кто-то сказал ему.

— Это кто?

Ильич с нами подходил к матросам. Офицер со всей выдержкой и торжественно больших парадом рапортовал Владимиру Ильичу, а тот недоуменно смотрел на него, очевидно совершенно не предполагая, что это все так будет.

Я шепнул ему, что матросы хотят слышать его слово. Владимир Ильич пошел по фронту почетного караула, остановился, снял шляпу и произнес приблизительно следующее:

— Товарищи матросы! Приветствую вас. Я еще не знаю, верите ли вы всем посулам Временного Правительства, но я твердо знаю, что, когда вам говорят сладкие речи, когда вам многое обещают, вы должны помнить, что обманчиво — вас обманывают, как обманывали и весь русский народ. Народу нужен мир, народу нужен хлеб, народу нужна земля. А вам дают войну, голод, бесхлебье, на земле оставляют помещиков... матросы, товарищи, вам нужно бороться за социальную революцию, бороться до конца, до полной победы пролетариата. Да здравствует всемирная социальная революция!

И он двинулся по шеренгам и рядам в «карские комнаты», где его приветствовали представители Петроградского Исполкома. Это приветствие, исходившее по обязанности от соплатей-меньшевиков, было весьма кислое, официальное, явно лицемерное...

Лишь только Владимир Ильич вышел на поезд вокзала и его заметили, грянуло вновь потрясающее, потрясающее «ура». Оркестры музыки, всеобщее пение революционных песен, крики и возгласы — все слилось, в один певучий рокот, столь же грозный, как рокот океанской волны. Когда, наконец, массы затихли, Владимир Ильич тут же с крыльца произнес свое первое приветствие.

Броневая команда предложила ему войти в броневик, на котором они хотели доставить его в Петроградский Комитет большевиков.

Окруженный тысячами толпами рабочих, над которыми ревели бесчисленные знамена, Владимир Ильич медленно шествовал на броневике во главе этой разнообразной, самолично, из недр петроградского пролетариата выливающейся громадной демонстрации. Владимир Ильич несколько раз во время пути должен был говорить речи. Наконец, это шествие прибыло к помещению нашего Петроградского Комитета партии.

Владимир Ильич, усталый и, видимо, изволнованный всей этой встречей, которой он не ожидал, о чем тут же несколько изловчившимся в слухом и говорил окружающим его, расположился немножко отдохнуть, расспрашивая всех о событиях, работе, об организации...

Так вступил в революционный Петроград тот, кому суждено было зажечь огонь коммунистической революции во всех странах мира.

ПОТОМОК ВЕНЕЦИАНСКОГО ДОЖА

Роман И. СЕРИЗОВА-СЕРАЗИНИ

Иллюстрации А. БРЕЯ

(Продолжение)

ОНА застенчиво и нерешительно протянула мне руку, а я... я готов был кинуться к ней, схватить ее, прижать к сердцу и покрыть бесчисленными поцелуями.

— Как вы изменились! — прошептал я.

— Я пережила много горя и успеха не по летам возмужать! — ответила дочь шкипера, и две морщины обогнались на лбу.

Я не отрывал глаз от ее лица и мне становилось до боли жалко девушку, у которой в жизни не осталось ничего радостного.

В комнату вошел часовой и вытянулся у дверей.

Мы оба молчали.

По какой-то странной ассоциации мыслей, возникших в моем возбужденном мозгу, мне представлялась шхуна, бешено мчащаяся по волнам, и надменное лицо капитана с винтовкой у плеча. Или почему-то в мельчайших деталях вставала сцена на юте «Ринальдо», и я видел неестественно-холодные глаза шкипера, собирающегося бросить меня в море.

Ее классической правильности нос с горбинкой, большие черные глаза с густой дугой бровей, характерный поворот головы на стройной шее пугали меня. Все это принадлежало дочери человека, при имени которого мне становилось страшно. Но что вы подаете с молодостью! Пугавшие меня черты были воплощены в молодое, румяное от мороза и внутреннего волнения лицо, а сердце стучалось как у всех влюбленных.

Страницы прочитанных книг всплывали в моей памяти и предупреждающе возназлись в мои мысли. Она же дочь потомка венецианских аристократов! В ее жилах течет отравленная кровь средневековых авантюристов! Она обломок того мира, который я успел научиться ненавидеть и презирать.

Под влиянием этих мыслей у меня на лбу начали проступать капли холодного пота, а по спине и телу пробегали судороги от внутренней борьбы и мучительных сомнений.

— Я пришел к вам по просьбе Петина... Он скрывается от

Содержание предыдущих глав. Желая поступить в русо-германскую войну во флот добровольцем, сын феодалейского рыбака Труффин попадает на шхуну «Ринальдо», занимающуюся пиратством на Черном море. Шхуну командует шкипер Виллани — бесшабашный моряк, авантюрист. Виллани является потомком венецианских дождей, дегенератом-вырожденцем, унаследовавшим от них порочные, садистские черты характера; он довел до смерти свою жену. Труффин знакомится с дочерью Виллани, от которой последний скрывал свое отцовство. Случайность выдает дочери Виллани эту тайну. Для получения высокой страховой премии Виллани подготавливает похищение шхуны. Труффин узнает об этом и предотвращает крушение. Обвиненный в краже Труффин царской полицией содержится в тюремной больнице, где его навещает дочь Виллани.

дорожных мастерских, на заводах... Наш дом не внушает пока полиции подозрений... няня умерла... я живу одному...

— От отца нет известий... он вероятно утонул... Петин рассказал мне всю правду... Я вскрыла бумаги и узнала многое... мне жаль отца... он любил меня... и я...

Девушка точно в раздумьи остановилась, но быстро овладела собой.

— ...И я рада, что его нет в живых... так лучше... только смерть может искупить все зло, причиненное им людям... и моей матери...

Часовой направился в нашу сторону.

— Петин передал... быстро проштала она, — что он организует ваш побег... ваши друзья не забывают вас...

— Свидание кончилось! — часовая стукнул винтовкой о каменные плиты пола, мы подали друг другу руки.

На другой день после этого свидания меня отвезли в тюрьму, а через два месяца я был освобожден из нее Февральской революцией.

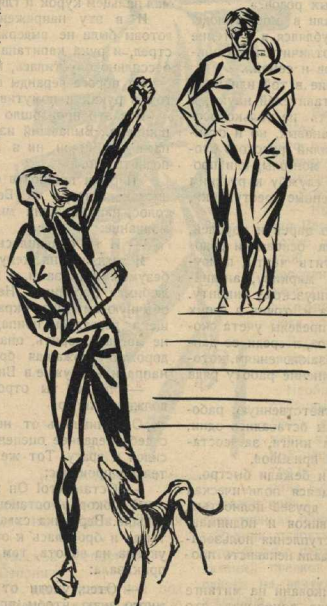
Толпой, раскрывшей двери тюрьмы, руководили Петин и Чиковани.

В теплый февральский день по ликующим улицам, праздновавшим гибель царизма, шли мы втроем к заветному дому у татарского кладбища.

Я недовольно хмурился и машинально тер ладонью руки.

На улицах ходили взволнованные толпы народа. На перекрестках выступали ораторы, разъясняя смысл революционных событий. Радостное волнение опьяненных революцией людей передавалось нам.

Случилось то, что можно было предсказать заранее: Вероника, дочь шкипера, стала моей женой. Мысли о наследственности, о дегенеративных предках, о садистских уступили место взаимному счастью, вспыхнувшей любви.

... Он обернулся и веранде...

¹ См. «Смена» №№ 1, 2, 3, 4, 5.

Мы точно условились не вспоминать о прошлом и жили нашим сближением и захватившей нас работой. Я вместе с Петиним и Чиковани часто уезжал в Керчь и Севастополь. В этих городах при нашем участии создавались большевистские организации, боевые ячейки.

В Севастополе во главе стоял Филиппов, приехавший туда из Симферополя.

Я работал, не покладая рук, но в сердце и в мыслях моих все чаще и чаще рождалась тревога. И когда, приезжая в родной город, я стучался в знакомые ворота, мой мозг всегда пронзала мысль: «А что с Вероникой?»

Боюсь ее потери чем дальше, тем больше захватывала меня, и каждая наша невольная разлука превращалась для меня в ужасную пытку.

Однажды я спросил одного своего товарища, заболевшего туберкулезом, почему он не озабочивается со своей болезнью по популярным книгам. На мое предложение мой боевой друг ответил: «Чем меньше будешь знать про свою болезнь, тем меньше будешь цепляться за жизнь, а нам сейчас не до лечения».

Я вспоминал о книгах, прочитанных в лазарете, о беседах с моим добрым хирургом.

Я сотни раз задавал себе вопрос: «Действительно ли верны и точны законы наследственности? Имеем ли мы право делать выводы на основании имеющихся данных современной науки в этой области? В какой степени и в какой последовательности поражаются наследственностью восходящие потомки известных родов?»

И чем чаще эти вопросы всплывали в моей голове, тем с удвоенной настойчивостью углублялся я в чтение книг по этим вопросам и в разбор отличительных признаков и качеств всевозможных родов и семей...

Каждая книга, каждое исследование в той или иной степени подтверждали выводы представителей науки, и через короткое время я знал наизусть не только особенности дегенеративного рода Романовых, но и отличительные признаки именитых фамилий русского дворянства, предки которых были или монголы, или простые авантюристы, приезжавшие на службу к русским князьям из-за границы, или обыкновенные преступники, бежавшие со всего мира в Россию.

Я так же хорошо узнал историю царей и королев, дворянства и остальной Европы и, на основании родовых признаков, мог правильно отметить черты, присущие русскому князю, итальянскому маркизу, английскому лорду, немецкому герцогу, французскому виконту.

Нет, наука была последовательна и точна в своих выводах! Ее данные не выходили за пределы учета скопившихся веками убедительных фактов, и среди ее данных не было места отвлеченным умозаключениям, которые позволили бы мне взять под сомнение работу ряда научных поколений.

Целыми днями Вероника несла ответственную работу на одной из фабрик, а вечером мы оставались одни, или втроем с Петиним, сажались за книги, за составление многочисленных обращений и призывов.

Дни после Февральской революции бежали быстро. Исторические события и меняющаяся политическая обстановка захватили меня и моих друзей полностью. Мы разоблачали предателей-меньшевиков и поднимающих голову монархистов. Наши выступления пользовались успехом, и наши имена возбуждали ненависть противников.

Однажды, когда возбужденный Чиковани на митинге громил противников, когда он горячо доказывал, что надо бороться с изменниками революции, в него был сделан подлый выстрел.

Смерть доброго кока, одного из моих немногочисленных друзей со шкуны «Ринальдо», вернула меня в уныние. Вечером, на другой день после торжественных похорон Чиковани, я сидел на веранде домика, в котором мы жили.

Убийца скрылся, и Петин не приходил домой, занятый розысками негодяя.

Вероника в своей комнате готовила ужин.

Я не обратил внимания на таяние «Султана», вскочившего со своего места и побывавшего к воротам, и не сразу заметил приземистую фигуру, появившуюся среди двора. Когда же, наконец, привлеченный визгом собаки, я повернулся в сторону незнакомца, — невольная дрожь пробежала по моему телу.

Против меня стоял обросший бородой шкипер с револьвером в руке. Он сильно изменился и очень постарел. Его надменный вид сменялся угрюмой озлобленностью, а глаза горели нечеловеческой ненавистью и холодной жестокостью.

Он сделал еще шаг и поднял наган. Не могу объяснить сейчас, почему я тогда не крикнул и не позвал на помощь к себе, боялся ли я испугать криками жену или противился ее встрече с отцом? Точно загнивший ирригатор, не сводил я глаз с взведенного курка.

«Султан», который все время ласкался к своему бывшему владельцу, вдруг почувствовал что-то недоброе, отшатнулся и зарычал. Шкипер, верный своей страсти упиваться предсмертным страхом обреченной жертвы, сжимал пальцем курок и глядел на меня неморгающим взором.

И в эту напряженную минуту, когда нервы мои готовы были не выдержать, раздался неожиданный выстрел, и рука капитана, держащая передо мной наган, бессильно опустилась, как подрезанная ветвь.

На пороге веранды показалась Вероника с браунингом в руках и помутившимся взором глядела на отца. Все это произошло неожиданно и для меня, и для шкипера. Выпавший из его рук наган валялся между нами — и ни он, ни я не делали попытки нагнуться и поднять его.

Первым пришел в себя шкипер и с глубокой ненавистью взглянул на Веронику. Хриплый властный его голос, напомнивший мне палубу «Ринальдо», нарушил молчание:

— И ты осмелилась стрелять в отца!

Я взглянул на жену. Неужели эта женщина с полубезумными глазами, с хищным лицом — моя жена, моя любимая Вероника? Необыкновенная бледность сменяла обычную смуглую окраску ее красивого лица, губы и щеки дергались припадками необычайного гнева. Она не могла говорить, она тяжело дышала, а рука ее, судорожно держащая браунинг, точно готовилась вновь направить оружие в Виллани.

— Чье же ты отродье, проклятая женщина? — продолжал шкипер.

Опомнившись от неожиданного выстрела и сбросив с себя недавнее оцепенение, я вскочил с кресла и бросился к врагу. Тот же чужой для меня голос повелительно произнес:

— Оставь его! Он мой отец!

Я покорно остановился и стал ждать, что будет дальше. Вероника схватила висевшее на веревке полотно и бросилась к отцу. Быстро перевязав рану, она, указав на ворота, тем же каменным, холодным голосом приказала:

— Отец, уходи от нас, забудь меня! Я слишком много знаю, чтобы простить тебя, и слишком люблю тебя... чтобы желать тебе смерти... Ты случайно сейчас не убил моего мужа... а я не сделала...

Голос Вероники дрогнул и умолк. Шкипер с тем же зловещим видом повернулся к воротам и зашагал по дворовой дорожке.

Открыв калитку, он обернулся к веранде:

— Эй ты, змея!— услышали мы голос старого шкипера,— змея, вскормленная на борту моей шхуны, мы еще встретимся... Клянусь тебе, я не промахнусь!.. а... ты... дочь монахини... запомни эту рану, нанесенную любящим тебя отцу...

Хлопнула калитка.

В кресле сидела Вероника и громко рыдала.

В тот же вечер пришел Петин. Он сообщил нам о возмущении, которое охватило рабочих при известии об убийстве нашего друга Чиковани. В конце беседы он добавил:

— Есть основание думать, что Чиковани убит одним из представителей одесских монархистов, прибывшим на днях в Феодосию...

Когда Петин кончил говорить, Вероника спокойно произнесла твердым и решительным голосом:

— Нашего друга убил мой отец! Отец не успокоится, пока вы оба не умрете.

Моряк удивленно посмотрел на меня. Пришлось рассказать ему про визит шкипера и про выстрел Вероники. После чая мы долго обсуждали создавшееся положение и, наконец, пришли к мысли временно увести Веронику в Судак, а самим перейти на жительство к товарищам, жившим в центре города. Оставаться в нашем домике, расположенном за чертою свободки, было не безопасно.

Через несколько дней мы переехали в Судак и поселились в немецкой колонии, почти у стен знаменитой генуэзской крепости. Петин ушел в подполье и оттуда наносил меткие удары врагам, засеивая в местном совете, разоблачая в прокламациях все махинации сторонников Керенского. О шкипере не было никаких известий. Я часто уезжал в Феодосию и оставлял жену на попечение немецкой семьи, у которой мы сняли комнату.

Однажды, прискакав в Судак из Феодосии ночью, я не нашел Вероники в нашей комнате.

Спокойный немец укоризненным сказал мне:

— Ваша жена, герр, не слушает старый человек... Ви, как супруг, ей не позволяли ходить ночами в крепость... теперь много злой человек явился на улица и прячется в башнях...

Я побежал к развалинам генуэзской крепости.

У меня проснулся страх за Веронику.

Остановившись у башни XIV века, известной под именем башни консула Якобо Толевалло, я осмотрел всю огромную площадь, занимаемую крепостью.

По широкому внутреннему двору бегало несколько бродячих собак, да жалобно стонал над головою филлин.

На мои призывы никто не отзывался.

Вдруг я услышал отдаленные звуки пения женщины. Бархатное сопрано с трогательной искренностью напевало знакомые мне мелодии, и в их импровизации я узнавал песни капитанской скрипки.

Мой слух жадно ловил отрывки мелодии нежного голоса, который за шесть месяцев совместной жизни никогда не пропел ни одной песни.

Наконец, голос умолк.

Я стал подниматься вверх.

Добежав до двух угловых оборонительных башен, я через полукруглую нишу вошел на большой портик, а затем в четырехугольный внутренний двор замка. Двор был пуст. Увидев против себя лестницу, я быстро взбежал по ней в башню Консула, остановился в дверях и громко крикнул:

— Вероника, где ты? Не бойся, это я.

На мой призыв никто не ответил. Обойдя все темные углы башни, я нащупал в стене полуразвалившиеся ступеньки и полез по ним на следующий этаж.

В правом углу башни я увидел неподвижно стоящую у амбразуры женщину. Я подошел к ней.

— Вероника, что с тобой? Приди же в себя! Мои полные отчаяния слова вывели из странного оцепенения Веронику. Она с удивлением взглянула на меня и радостно бросилась на шею.

Вероника искренно выражала свою радость от моего неожиданного появления.

— Как ты нашел меня?— улыбалась счастливая Вероника.— У тебя такое удивленное лицо, точно ты никогда не видел этих развалин и этой крепости! Наши добрые старички уже бросили со мной сражаться и махнули на меня рукой... Если бы ты видел, как ужаснулись они, когда я первый раз вернулась отсюда поздней ночью!

Вероника искренно рассмеялась.

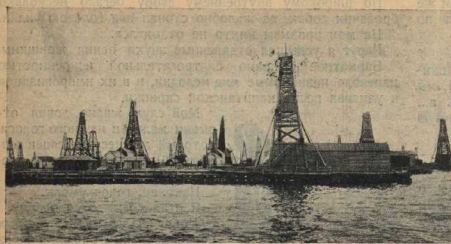
На другой день я нанял подвод, сложил в нее вещи, и мы переехали обратно в Феодосию. Необычная встреча Вероники с отцом, ее странные ночные визиты в генуэзскую крепость в Судак с несомненностью убеждали меня, что несмотря на напластование различных племен и народов в роду Виллани, несмотря на то, что к основному стволу рода адмирала Сфорцо были привиты токи славянской

и эллинской, а, может быть, и монгольской рас, наследственная романская культура сумела себя отстоять, сохранив родовую устойчивость и крепость, а также первобытные черты Сфорцо, Виллани. Преступная кровь далеких предков продолжала еще обладать силой и влиять на деятельность подсознательной сферы, к сожалению, мало изученной наукой.

(Окончание следует)

... Я увидел у амбразуры женщину...

Промыслы Азнефти на воде. Вышки сосут нефть на дне залива

РАСКРОЙТЕ любую большую газету, и я поспорю с вами, что вы обязательно найдете там что-нибудь о нефти. Мало того. Если внимательно вчитываться во все эти газетные сообщения, если постараться проникнуть в закулисную сторону жизни капиталистических государств, то можно без труда заметить, что на всех многочисленных международных конференциях, во всех конгрессах, а подчас и вооруженных столкновениях — всюду и везде доминирует и парит всеисильная теперь нефть. Она свергает правительства, зажигает войны и даже грозит существованию могущественных, веками создаваемых государств.

А ведь еще так недавно, лет 25—30 тому назад, роль нефти была очень скромна. Из нее приготовляли главным образом керосин, которым пользовались почти исключительно для освещения ламп и лишь иногда — и то только за границей — для отопления домашних печурок. Ее применение не выходило за пределы удовлетворения скромных домашних потребностей.

Пожар нефтяных складов компании «Стандарт-Ойл» в Китае в январе месяце этого года. Пожар принес компании многомиллионные убытки

Но почему же тогда так быстро переменялась роль нефти? Почему так быстро удалось ей сбросить с трона еще недавно могущественный уголь и, заняв его место, стать поистине «царицей мировой промышленности»?

**КОЛЕСА ВОЙНЫ,
ПОТНАЖУТСЯ
ВЕРТЕТЬСЯ**

Первая причина этого торжества нефти заключается в том, что нефть экономнее угля при отоплении паровых машин. Достаточно сказать, что, сжигая 4 тонны (1 тонна = 61 пуд), получают то же количество пара в паровом котле, что и при сжигании 7 тонн угля. Эта разница в 3 тонны при мировом масштабе чего-нибудь стоит.

Но этого мало. Перевозка нефти, ее погрузка хотя бы на пароход гораздо проще этих операций с углем. Например, погрузка «Лузитании» (одного из величайших морских пароходов) углем требует 500 человек рабочих, занятых 5 дней. Погрузку же нефтью можно провести с 12 рабочими в продолжение 12 часов. Поэтому всеобщее, что современная техника тотчас же воспользовалась этими преимуществами нефти перед углем. В настоящее время у руководителей морского транспорта существует искреннее убеждение, что «допускать хотя бы один фунт угля на борт морского судна — преступное безумие».

Но, конечно, основной причиной торжества нефти является недавно изобретенный двигатель внутреннего сгорания, питающийся нефтью: от 1 до 2 раз экономнее паровой машины, и только ни одним созданы авиация, автомобильное и тракторное дело.

Нефть повсюду царствует сейчас в самых основных областях мировой промышленности, и естественно, что страна, господствующая над нефтью, будет поведовать мировой торговлей. Армия, флот, деньги, даже население — все это ничто перед захваткой нефти во время войны. Потому что, если иссякает нефть — тотчас же будет организована нефтяная блокада. В восемь дней она разобьет крылья аэропланов, приведет в негодность танки и прикует к земле тяжелые ноги пехоты, лишенной грузовиков. Колеса войны, не смазанные нефтью, откажут и вертеться.

БУРЕНИЕ СКВАЖИНЫ И ДОБЫЧА НЕФТИ

Каждый год на всем земном шаре нефти добывают такое громадное количество, что если бы ее вылить в одно место, то она образовала бы озеро в четыре версты длиной, версту шириной и почти десять саженей глубиной.

Но что такое нефть — еще никто точно не знает. Ученые спорят: нефть — это результат действия просачивающейся с поверхности земли воды на низколежащие залежи углеродистого железа (?).

... Нефть произошла от «перегонки» (нагревания без доступа воздуха) трупов животных, главным образом морских моллюсков-ракушек (?).

... Источник происхождения нефти — морская трава и водоросли (?).

Из животных ли, из растений или из металла и воды произошла нефть — этот вопрос до сих пор остается открытым.

Но, как бы там ни было, эта густая жидкость темно-зеленого или грязно-красного цвета обыкновенно залегает глубоко в земле, она пропитывает собою слои песку и соображается в трещинах горных пластов.

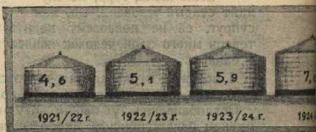
«Буровые скважины» — глубокие, узкие

Нефтяной фонтан на американском побережье

колодцы, которые уходят иногда на 450 футов (т.-е. около 1¼ версты) в землю. Неудивительно, что сооружение такой скважины и трудно, и дорого. Стоимость бурения скважины в 3½ тыс. футов глубины (1 верста) обходится в Америке от 35 до 100 тыс. долларов.

1 Средняя глубина скважины в Америке равна 2000 футов

Рост добычи нефти в США

КРОВЬ

П. ЛОПАТИНА

100 тыс. долларов (доллар = 2 рубля), а средняя «проходка», т.-е. средняя успешность работы в день при самых благоприятных условиях — от 100 до 500 футов.

Само бурение происходит различно. При так называемом «куларном» бурении тяжелое долото, прикрепленное к канату, с высоты опускается в скважину и силой своего падения долбит и дробит землю, которая потом

В других случаях употребляется более совершенное «вращательное» бурение, при котором особый инструмент, приготовленный из твердого материала, вращается в скважине, дробя грунт и уходя все глубже и глубже внутрь земли.

В том и другом случае над скважиной устраиваются вышки, высотой от 8 до 17 саженей, и когда подходишь к нефтяным разработкам, то кажется, что это — грандиозные кладбища с громадными четырехугольными памятниками. Они тесно прижимаются друг к другу, и поэтому только на самом близком расстоянии можно разглядеть низкие приборы для паровых машин, которые и производят все работы по бурению и добыче нефти.

Когда буровая скважина готова, начинается добыча нефти.

Старый способ добычи нефти — так называемый «таргание», в котором главную роль играет уже знакомая нам желонка.

Желонка — это высокое, но узкое железное ведро с клапаном (отверстием) у дна. Ее при помощи паровой машины опускают на дно скважины. Дойдя до дна, она ударяется о него своим клапаном, который удивительно похож на наш обыкновенный умывальный: ствол его немного приподнят кверху и он тотчас же открывает отверстие в желонку.

Набрав в себя таким образом нефть, желонка начинает подниматься. Находясь в ней нефть, своей тяжестью давит на клапан и, конечно, плотно закрывает его.

Когда желонка, наконец, будет поднята на поверхность, ее опускают нижним концом на деревяшку, от этого легкого удара клапан открывается, и нефть выливается в находящийся тут же деревянный желоб, чтобы по нему отправиться в цистерны. Желонка вмещает обычно от 25 до 30 пуд. нефти и в среднем опорожняется через каждые 2—3 минуты. Таким образом, за сутки одна желонка может дать около 20 тыс. пуд. нефти.

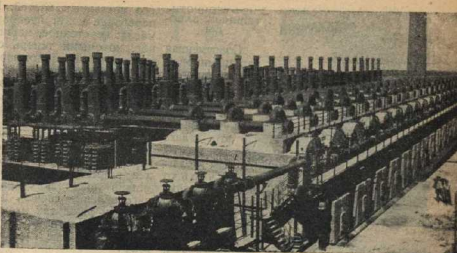
Иногда в готовую буровую скважину вставляют тонкую полую трубу, в которую особый насос с силой всасывает воздух. Этот воздух, дойдя до дна скважины, давит на находящуюся там нефть и заставляет ее вверх по буровой скважине выйти на поверхность земли.

Но иногда нефть сама вырывается из скважины бурным мощным фонтаном. Дело в том, что в нефтеносных пластах часто образуются особые нефтяные горючие газы, которые стремятся выйти наружу. И стоит буровой скважине дать им хотя бы только узкий выход на поверхность, как они со свистом и гулом вырываются тогда из нее, захватывая с собой громадные камни, песок и тысячи пудов жидкой нефти. Сила нефтяной струи бывает иногда так громадна, что шута пробивает толстую

железную плиту, которой ее иногда пытаются прихлопнуть и, конечно, далеко отбрасывает в сторону и деревянную вышку и буровый инструмент, и железные трубы. Нефть, как прорвавшаяся через плотину река, быстро захватывает окрестность, образуя целые озера и разрушая все, что стоит на ее пути.

Один из таких бивашихся фонтанов, бывший в 1887 г., выбрасывал нефть на высоту 50 саж. и за первый месяц дал больше ¼ миллиарда пудов нефти. Но он только разорил своего владельца, потому что он был настолько неожиданным и причинил такие большие убытки соседям, что даже и то количество нефти, которое удалось собрать, не спасло хозяина фонтана от полного разорения.

Гораздо более выгодны те фонтаны, которые бьют не так бурно, давая без трудов и затрат сотни тысяч и миллионы пудов дорогой нефти. Имея такой фонтан, можно прекрасно устроить ее доставку с места добычи в цистерны и нефтеочистительные заводы.

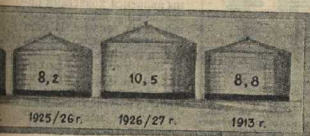
Новый масляный завод Азнефти близ Баку

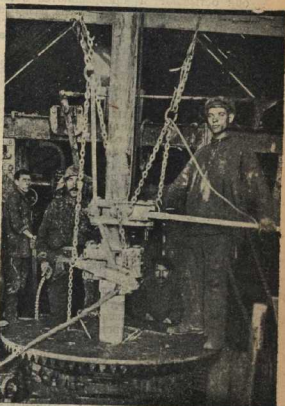
Нефтяных промыслов в Калифорнии

уделяется из скважины особым инструментом — желонкой (ее описание ниже). По мере того, как скважина уходит все глубже, в нее сверху вставляют «обсадные» трубы, которые являются как бы стенками этой скважины и спасают ее от обвалов.

(высотой 400 саж.).

8,2 миллиона тонн

Бурение нефтяной скважины вращательным способом в Сураханах, около Баку

Генри Детердинг — глава англо-голландского нефтяного треста «Ройял-Детч-Шелл»

НЕФТЕХИМИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ

Современная царница мировой промышленности — нефть — сама по себе является прекрасным топливом. Но это далеко не все то, что мы можем получить из нефти, потому что она состоит из целого ряда самых разнообразных веществ, которые для нас гораздо ценнее ее самой.

Вещества эти обладают одним очень удобным для нас свойством: они превращаются в пары при различной температуре, и это дает нам возможность уловить просто производимую переработку нефти в так называемых «переходных кубах».

Представьте себе целый ряд громадных чугунных сосудов, вделанных в общую каменную кладку по несколько штук вместе. Все они расположены в виде ступенчат, так что каждый следующий куб лежит на 5—10 вершков ниже предыдущего. Благодаря такому расположению нефть «самотеком» переливается по трубам из одного куба в другой.

Под каждым кубом расположен топки, в которых горит каменный уголь или так называемое «столярное масло», которое добавляется все из той же нефти. От тепла нефть закипает, уже начиная с первого куба. Так как нефть состоит из многих веществ, то вначале превращаются в пары те из них, которые кипят при наиболее низкой температуре. Это происходит в первом кубе, и образовавшиеся здесь пары направляются по особым трубам в холодильники. Здесь они остывают и превращаются в жидкость — «бензин», которым мы разжигаем топки, который горит в наших двигателях, и является прекрасным топливом для самолетов и автомобилей.

А между тем нефть, лишившись бензина, продолжает свое путешествие из одного куба в другой и в каждом кубе один за другим отдает пары различных входящих в состав нефти веществ. Пары эти в холодильниках превращаются в керосин и в нечистые сорта «столярных масел». В конце концов в последнем кубе остается «мазут» — прекрасное топливо, каждый фунт которого по крайней мере в 1½ раза дает больше тепла, чем фунт каменного угля.

На добыче бензина, керосина и мазута перегонка нефти не заканчивается. В новых кубах продолжается переработка оставшегося мазута. Эта вторая переработка производится так же, как и первая: жидкая мазут течет из кубов по трубам, и в холодильниках остывают постепенно отделяющиеся от кипящего мазута пары

его составных частей. При этой второй перегонке мазут превращается в дорожное масло: веретенное, машинное и цилиндрическое, которыми теперь смазывают станки и машины на наших заводах и фабриках.

От второй переработки остается гудрон, идущий на изготовление того самого «асфальта», которым заливается наши мостовые и тротуары в больших городах.

Вот те главные вещества, в которые превращается нефть. Но это далеко еще не все, что может она дать нам. При более внимательной переработке из нее можно получить «парафин», идущий на изготовление свечей, ценного нефтяного масла, и даже так называемый «каменноугольный детол», из которого можно получить самые разнообразные вещества.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ОПАСНОСТИ

Вплоть до последних лет, в течение более полувека, разработка нефти являлась прерогативой американской промышленности. Там она была найдена впервые, и, как только выяснилось ее громадное значение, в Америке началось «нефтяная горячка». Десятки тысяч предприимчивых американцев бросились в разные уголки своего материка «охотиться за дикой кошкой», как прозвали они поиски нефти.

В настоящее время бесчисленное количество охотников за «дикой кошкой» рыскает в горах Пенсильвании, Калифорнии, Оклахомы; 16 000 компаний участвуют в этих нефтяных разведках.

Но главная трудность все-таки не в отыскании месторождения нефти, а в перевозке ее. Так как чаще всего нефтяные фонтаны пробивались в пустынных областях, то доставка ее к центрам была связана с крупнейшими затруднениями.

Но вот у американского богача Рокфеллера появилась смелая идея. Он предложил «трубопроводы» — громадные железные трубы, по которым нефть текла, как река, в необятные резервуары, обилие нефтехимических заводов, откуда тысячи нефтяных вагонов и паровозов развозили ее по всему миру.

Предприимчивый Рокфеллер сумел не только создать всю эту мощную систему трубопроводов, насосов, вагонов, резер-

вуаров, но и найти необходимые огромные капиталы и организовать грандиозный нефтяной трест — «Стандарт-Ойл». Это господство Америки на нефтяном рынке сильно тревожило капиталистические и главным образом военные круги Англии.

Военная безопасность и торговое господство Англии очутились под угрозой.

Однако, английские дельцы не растерялись, и за атакой «Стандарт-Ойл» последовала контратака. Англичане повели ее умело и тихо — так, чтобы не возбудить подозрения соперника.

В самом начале образовалось небольшое, скромное общество «Шелл-Транспорт», которое официально занялось таким безобидным делом, как торговлей перламутровыми морскими раковинами (!).

Но постепенно оно начинает обращать внимание на нефть. В него вливаются капиталы английского богача Ротшильда, а его инженеры рассеиваются в податки за нефтью по Индии, Цейлону, Малайским островам, Северному Китаю, Сиаму. Оно приобретает большие нефтяные богатства в Голландской Индии, в Румынии и у нас на Кавказе. Постепенно «Шелл-Транспорт» распространяет свои цупальцы по всему Старому Свету.

А Англия идет все дальше. Она приобретает теперь в самую Америку, приобретает нефтяные богатства Мексики. Там работает английский общество «Мексикан-Игл».

На ряду с этим ширится и развивается деятельность голландского нефтяного треста «Ройял-Детч».

В марте 1920 г., как гром с ясного неба, обрушилось на Америку беззастенчивое и дерзкое сообщение из Лондона: эти, казалось, конкурирующие между собой три общества соединяются в единый нефтяной трест «Ройял-Детч-Шелл», который обьявляет решительную войну американскому «Стандарт-Ойл».

Так блестяще кончались «кротоват» контратака англичан, одним из руководителей которой был несомненный нам лорд Керзон и сэр Генри Детердинг, стоявший во главе треста «Ройял-Детч-Шелл».

У НАС — ТРЕТЬ МИРОВОЙ НЕФТИ

Ясно, что этим мировая борьба за нефть не окончилась. Не окончилась хотя бы уже по одному тому, что в ней почти не участвовала страна, обладающая величайшими в мире нефтяными запасами — наш СССР.

Ученые подсчитали запасы советской нефти и сравнили их с мировыми. Подсчеты дали блестящие результаты: оказалось, что мы являемся хозяевами более чем 1/5 всех мировых нефтяных запасов. И если в среднем мировых запасов нефти хватит на 25—30 лет, то наших запасов нам хватит на 64 года, а то время как Америка, которая по добыче нефти стоит сейчас на первом месте (СССР занимает третье), израсходует свою нефть в 7 лет. (Окончание см. на стр. 14).

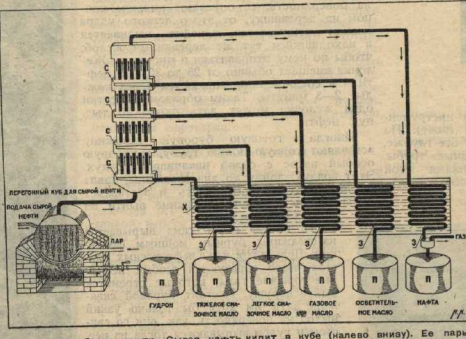
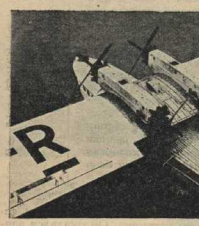

Схема переработки нефти. Сырая нефть кипит в кубе (наверху внизу). Ее пары, поднимаясь по трубе вверх, последовательно отходят по трубам направо и влево (3), помещенным в холодильниках (Х), чтобы затем унн в нижнем кубе снова кипела (4). Там получают тяжелые масла. Дальнейшая переработка состоит в том, что полученная в последнем кубе «мазута» поробным образом перегоняется в более легкие продукты, в том числе керосин и бензин

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ САМОЛЕТОВ

(Фото № 1)

№ 1

2 января 1928 г. немецкий летчик Вагнер совершил перелет через Альпы на четырехмоторном самолете «Дорнье-Суперваль». Это величайший из всех существующих в настоящее время самолетов, построенных целиком из металла. Весь перелет от Фридрихсгафена — через Милан — до Генуи, на протяжении 360 километров, был проделан в течение двух часов. Общее устройство корпуса и расположение частей такое же, как у других «Супервалей», строившихся в прошлом году в Германии; однако, он отличается от своих предшественников системой моторов. На нем установлены четыре двигателя по 480 лошадиных сил. В качестве строительного материала для «Супервала» употребляется, главным образом,

дуралюминий. Только некоторые части, несущие особенно большую нагрузку, выполняются из стальных листов. Корпус самолета разбит на несколько отделений перегородками с плотно закрывающимися дверями, непро-

пускающими воды. В носовой части помещаются каюты, якорь и другие предметы морского снаряжения. Позади этого помещения начинается лестница, ведущая в помещение для пассажиров, где имеется двенадцать сидячих мест. Отсюда дверь ведет в следующее помещение, где отделено место для радио-телеграфистов, два места для пилотов (с двойным управлением), место для монтера и небольшой агрегат моторов. За этим отделением — оплот — так окруженные перегородками — находится восемь резервуаров с горючим. Дальше идет багажное отделение и еще одно пассажирское помещение с 8 сидячими местами. Общая длина корпуса составляет 24,6 м, размах крыльев — 28,6 м.

Н О Н Т О В И З О Р

В Лондоне изобретен аппарат «Нонтонизор» (срывать по тьме), позволяющий видеть сквозь туман и даже ночью тьму. Сущность изобретения заключается в том, что обычно невидимые инфракрасные лучи, исходящие из красным конком солнечного спектра, во-первых, отличаются высокой силой проникновения, и, во-вторых, при помощи фотоэлектрического элемента могут быть превращены в видимый свет.

Послеулавли инфракрасные лучи в аппарате «Нонтонизор» обыкновенного типа проектором, который вырывается спереди тонкой пластинкой из вулканизированного каучука или специальным стеклом, непропускающим для длинных лучей. Изображение освещенного предмета «образуется» в приемник, который может быть установлен у самого проектора. Приемником является слабый в передней своей части «защитный», который представляет собой систему трубочек. Проходя через анализатор, изображение разлагается на отдельные участки. Затем, по пути к фотоэлектрическому элементу, лучи проходят через два вращающихся диска: один — позади анализатора, с ленточными проемами (вращается быстрее), другой — позади первого диска, со спиралью, сильно окрашенной в фиолетовый цвет. Благодаря этим дискам все излучение лучей по пути к фотоэлектрическому элементу распределяется на ряд толчков, соответствующих яркости различных частей освещенного предмета. В элемент энергии инфракрас-

ных лучей преобразуется в электрическую, после этого ток усиливается, проходит через изолирующую трубку и через диски, совершенно сходные по форме и движению с первыми дисками. Отсюда лучи попадают во второй анализатор и, наконец, на матовое стекло, где — при обильном освещении — получается четкое изображение рассматриваемого предмета во всех его подробностях.

ГУТТАПЕРЧЕВАЯ МОСТОВАЯ

(Фото № 5)

В Лондоне недавно закончено новое шоссе, покрытое гуттаперчей, превосходящее по качеству все до сих пор существовавшие. На бетонный фундамент наливается горячая смесь из значительного количества гуттаперчи и минеральных порошков. Через несколько часов после заливки оставшийся еще жидкий каучук пропускают валик, выдавливающий на нем различные истинные узоры геометрической формы, ничем не отличающиеся от деревянных или каменных мостовых. Это было бы идеальное шоссе для автомобилей и пешеходов, если бы не большие расходы, связанные с ее постройкой, и, безусловно, ее повсеместное распространение.

ЧАСЫ-РАДИОПРИЕМНИК

(Фото № 2)

Программы радиопередач ставятся все более и более обширными, при чем они постепенно начинают включать различные

радио-концерты, передаваемые из-за границы. Точное расписание передач требует от радиослушателей такого же точного знания времени. В связи с этим один английский конструктор соединил свой радиоприемник с часами, насколько не меняя формы подобных часов. Сочетание сделано настолько удачно, что получается впечатление, будто наружные части приемника являются совершенно естественными принадлежностями настольных часов.

СКЛАДЫ ПАРА

(Патентный аккумулятор Рутса).

(Фото №№ 3 и 4)

В современном слепом хозяйстве вопрос хранения вырабатываемой энергии играет важную роль, в особенности в тех случаях, где приходится принараивать работу силовых установок в нештатных условиях питания. Достаточно, скажем, сменить нагрузку электрической станции в бойные часы с ее же нагрузкой в ажиотаж вечера, чтобы убедиться, насколько сильно колеблется количество энергии, расходуемой в предприятии. Иерод нагрузка предприятия варьируется в пределах от 200 до 200,000 киловатт. Если электромоторы приводят в движение попутные турбины, то всегда можно урегулировать напор потока. Однако, в паросиловых установках невозможно менять силу напора, и поэтому приходится страдать от избытка пара, который уходит много часов, — от значительных колебаний температуры страдают бы материалы котлов и самого помещения, и затем создаются бы губительная для предприятия, совершенно нерациональная система расходов энергии.

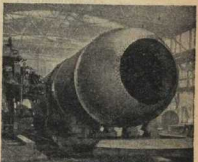
В настоящее время пар сохраняется под низким давлением в больших резервуарах, называемых двухконтурными. Этот способ обходится сравнительно дорого, так как пар под низким давлением занимает много места. Но недавно шведский инженер Рутс вывел и употребил гораздо более рациональный способ хранения больших количеств пара — под высоким давлением — в резервуарах сравнительно небольшого размера. При этом аккумулятор Рутса опирается на свойство горячей воды отдавать при понижении давления значительные большие количества пара.

На прилагаемых фото (№№ 3 и 4) изображен такой аккумулятор, имеющий форму цилиндрического котла. Его защищает от охлаждения 10-сантиметровый слой теплоизолирующей массы. Длина котла — 20 метров, диаметр — 3 метра; он наполнен горячей водой и — с интересом заметим — температура повышается на открытом воздухе. При понижении давления с 2,8 до 0,7 атмосферы такой аккумулятор отдаст около 12,000 кг пара в час.

При помощи регулируемых приспособлений со всеми частями паровой установки, аккумулятор автоматически устанавливает равновесие в слепом хозяйстве предприятия.

№ 2

№ 3

№ 4

№ 5

У ПОДНОЖЬЯ ПАМИРА

Очерн В. ЕРОФЕЕВА

Печатаемый ниже очерк — отрывок из книги «На Крыше Мира с кино-аппаратом», выходящей в ближайшее время в издании «Молодой Гвардии». Автор руководил кино-экспедицией, пересекшей прошлым летом Памир и лежащую за ним Бадахшанскую область. Горная страна, известная под названием Памир, расположена в самом сердце Азии. Центральная часть Памира, принадлежащая СССР, с трех сторон окаймлена иранскими Китаем, Индией и Афганистаном. Памир лежит на широте Южной Италии и Испании, но вследствие огромной высоты, на которой раскинулись его долины (3.000—4.000 метров над уровнем моря), они совершенно безжизненны. Сухой юстирический пересек и колоды «спарухи кулак» — характернейшая растительность этой своеобразной горной пустыни. В некоторых долинах встречаются снеговые поля, неспасающие десятки лет. Одоле трудно проходимые хребты Талдык и Кызыл-Арт (ок. 4.500 метров высоты), стесняющие подступы к «Крыше Мира», экспедиция прошла труднейший путь по малоисследованным улум Памира. Дойдя до иранско-афганского, экспедиция спускается с высоты вечных снегов в долины горных рек, заселенных древним народом — таджиками. Принимая самые первобытные орудия, таджики сумели в заваленных камнями ущельях создать уютные оазисы. Экспедиция движется вниз по Панджу, снимая своеобразный быт этого малоисследованного народа.

В ВЕРХНЕМ течении Пандж сравнительно спокоен. Широкой лавиной катятся его мутные холодные воды по извилистому руслу. По обоим берегам почти непрерывной цепью тянутся высокие таджики. Знания этой цепи прерываются лишь в тех местах, где горы вплотную подходят к реке и спадывают ее. У этих гигантских естественных «ворот» Пандж начинает бешувать и с усилением прорывается через горы.

На высоких уступах, господствующих над рекой, встречаются развалины древнейших крепостей. До сих пор еще сохранились их толстые стены, сделанные из камней и глины, круглые башни с зияющими отверстиями бойниц и крепостные ворота, выбитые в скалах. Об этих памятниках седой старины таджики рассказывают легенды. По их словам, большинство крепостей построено исчезнувшим ранее народом скитавшимся и китайцами, когда-то господствовавшими в верховьях Панджа.

Происхождения еще более древних рисунков и надписей, выбитых на камнях высоко над рекою, таджики, видимо, сами не знают. С таким же интересом, как и мы, наш проводник рассматривал

эти следы, оставленные неизвестными людьми.

Чаше всего это таинственный знак руки. На возвышенностях «загаром» утесах явственно видны пять пальцев — символ какой-то древней религии. Очевидно, этот знак, встречающийся только над Панджем, связан с рекою. «Пандж» — значит пять, т.е. пятиречье. Возможно, до таджиков здесь жил народ, поклонявшийся водяной стихии. Но это только наше предположение.

У утлого мостика, над выходящим в Пандж горным потоком, мы наткнулись на целую «картинную галерею». Массивные стены, отполированные проливными водами рек, послужили величественным «полотном» для неизвестных художников. Главный мотив этой своеобразной графики — охота на кивков. Все стена испещрена выбитыми острыми камнем рисунками козлов с почти прямоугольным корпусом и длинными загнутыми рогами. Охотник с луком нацеливается в самого крупного, жирного кивка. Отстав от скачущего стада, плетется каменным изобразившая беременная самка: внутри ее широкого корпуса нарисован маленький кивочек, ничем, кроме размеров, не отличающийся от матери.

Еще сдерживая любопытство, подвезаем к селению Кугеляр, известному своим рубиновыми копиями. Геологи рассчитывают найти здесь интересные образцы драгоценных минералов, а мы — не менее ценные объекты для сэмки.

Показавшийся из-за поворота кишлак, прилепившийся высоко над рекою, теряется в камнях обвалов. Голые камни, какие скалы поднимаются за селением, кажутся грозой сжиминуто обрушиться и развалить его, как груду.

Долго карабкаемся по камням до первого жилища. Людей не видно, да и непонятно, чем могут существовать здесь люди — ровного места для пашен нигде поблизости нет.

С трудом отыскиваем живую душу, которая могла бы указать нам путь к копиям. Появляются двое мальчишек, но, увидев нас, они стремятся убежать. Проводник ловит одного из них, и мы начинаем «допрос». Испуганный мальчуган показывает на один дом, где живет старейший житель селения.

— Он все знает, он вам расскажет, — бормочет мальчик и, выскользнув из рук проводника, стрелою несется куда-то за камни.

В доме мы действительно находим того, как думали, старика. Он оказался занятым исследованием рубинов. Спокойным, повествовательным тоном старик отвечает на наши вопросы.

— Напрасно вы приехали. Уже давно, как пришли русские, никто здесь не работает. Раньше, правда, другое дело было. Афганцы много сюда народу натапливали, и ночь люди рылись в горах. Лучшие рубины в ожерелье падишаха и в Индустан. Теперь же ничего нет, никто не работает.

— Почему же теперь забросили копи? Почему ты сам не работаешь в них?

— Не знаю, почему русские не ищут. Значит мало стало рубинов. А у меня свечей нет. Без свечей в копиях что делать?

— Мы просим старика привести нас к тому месту, где начинаются шахты.

Далеко за кишлаком, значительно выше его, виднеется в горе три черных дыры. Около каждой из них больше — ослеп отработанный земли, а которых, как мусорщики на свалке, роется несколько таджиков.

— Вот копи, — говорит кугеляр. — Ходы под землей бесконечны. Все горы изрезаны ими. Один из подземных путей идет под рекой на другой берег...

Мы смотрим вниз. Пандж кажется отсюда маленьким бурлящим ручейком. Я иду глазами около отверстия и скоро нахожу желтый прозрачный камень.

— Там, где есть эти камни, — говорит старик, показывая на мою находку, — есть и рубины.

Достав из-за пояса кожаный мешочек, таджик вытряхивает из него на ладонь кучку мелких розоватых кристалликов. Он выбирает один из них и, облизав его языком, протягивает нам.

— А вот и рубин. Геологи с видом знатоков осматривают камень.

— Нет, это не настоящий, ты покажи не розовый, а красный камень.

Старик качает головой.

— Теперь все такие. Свечей нет, вглубь лезть не с чем.

Но по глазам старика мы видим, что он говорит неправду.

Когда мы спускаемся из кишлака к долинам, наш проводник, недолюбливавший почему-то кугелярцев, открывает тайну старого хранителя рубиновых копий.

— Он боится, что придут русские и будут сами искать здесь рубины. У ста-

Таджик с турсуном (мешок из бараньей шурпы, надвиг которой, таджик переплывают самые бурные реки)

Так называемая «оринги» — искусственная дорога, сделанная по нарисованным следам

рого жадным много хороших камней, он меняет их у афганцев на золото.

Это объяснение кажется нам близким к истине.

На Памире главная мелодия природы составлялась из свистов и завываний ветра. Здесь, у Пинджа, шум падающей воды заглушает все остальные звуки.

Где бы мы не останавливались, всюду по соседству с палаткой слышно громкое журчанье ручья, прорывающегося через более отдаленный грохот реки.

Постепенно все привыкал к шуму воды, но у кишлака Боршор, где мы нашли ровное место для остановки, музыка природы превратилась в какой-то фантастический джаз-бэнд, совершенно заглушающий слабые голоса людей — лагерь пришлось раскинуть на самом берегу стремительного потока.

В самой обыкновенной беседе за плетом и чашем, мы напрягали всю силу своих легких. Если бы в этот момент Пиндж минуту остановился, наш лагерь подал бы на сборище сумасшедших людей, старающихся перекричать друг друга.

Из расположенного выше лагеря селения ветер принес струю знакомого пряного аромата, который сразу привлекал мое внимание. В мой головке быстро промелькнул ряд эпизодов, ассоциирующихся с этим запахом. Я вспомнил туземный Самарканд и посещение «кунар-ханов» — притона опиистов. Вспомнил, как хозяин притона приглашал меня прилечь и выкурить пару трубок сладкого яда. Я смотрел тогда на желтые лица бредящих куряльщиков, на грязный пол приоткрывшейся на чердаке «кунар-ханы», и вместо желания «забыться и погреться» мною овладело отвращение. С тех пор я не ощущал больше характерного аромата опиума и все же теперь, много лет спустя, быстро его узнал.

Мы уже давно искали случая снять опиистов, но до сих пор это не удавалось. Селения старательно скрывали от приезжих свою гибельную страсть, так как на советской стороне Пинджа курение опиума запрещено.

Трудный перевал

Октябрь в Хорго

— А опиум вы тоже от бедности курите?

Таджики насторожились, и один из них спокойно побрел в кишлак.

У нас никто не курит. Опиум у афганцев покупать надо, а они только серебро и золото берут.

— А кто же сейчас курит? Мы слышали запах опиума.

1 Аксакал — значит «седая борода». Так раньше называли старшину селения.

Быстро приготовив аппараты, мы гурьбой двинулись в Боршор. Запах опиума становился все отчетливее и вызывал тошноту. На месте для «собрания» мы увидели несколько таджиков, накручивающих, как всегда, свою бесконечную нитку и вырезающих ложки из куска крепкого корья.

Мы решили действовать осторожно. Присев на валуны около таджиков, я завел невинный разговор с аксакалом¹ об урожае. По обыкновению, таджик жаловался на бедность и голод.

Тогда я решил и напрямик спросил:

— У нас никто не курит, — с тем же спокойствием и убедительностью ответил аксакал. — Было три старика, которые курили, но сейчас они далеко, на лавке.

Видя, что из «седой бороды» ничего не выйдет, мы направились прямо в жилище, откуда все еще волнами доносился запах глеющего мака.

Вместе с переводчиком мы осматрели, кажется, все чуланчики и закоулки дома, но куряльщиков не нашли. Вероятно, их уже успели предупредить.

Экзкурсия в кишлак окончилась неудачно, но мы не сдались. Я решил действовать через переводчика, который, кстати, был по внешности сильно похож на опииста. Позвав таджика в палатку, я долго объяснял ему, почему мы интересуемся опиумом. Я сказал, что мы хотим только снять куряльщиков и не хотим браться никогда сообщать о увиденном. В конце разговора я намекнул, что и сам не прочь бы покурить.

— На тебе три рубля и достань к завтрашнему дню побольше мака. Часть мы дадим тебе, а другую выкури сам.

Не знаю, что больше подействовало на переводчика — мои объяснения или несколько новеньких серебряных монет. Но он согласился и тотчас же ушел в селение и пропал там всю ночь.

Рано утром проводник вернулся в лагерь в сопровождении здорового таджика. Лицо и мускулистые руки его спутника были покрыты густой черной шерстью. Таджик смахивал на первобытного дикаря-людоеда, как их рисуют в приключенческих романах.

— Вот этот человек, — сказал переводчик, — пойдете сейчас к афганцам на опушку... если вы его тоже угостите, — добавил он нерешительно.

Черный таджик достал из-за пояса какой-то кожаный мешок и побрел к Пинджу.

«Как он переплыл?» — мелькнуло у меня в голове. Река в этих местах совершенно изобилует пудовыми камнями. Но таджик совершенно спокойно шел к берегу, как будто ему предстояло лишь легкое купанье.

Остановившись у водоворота, он начал дуть в мешок, и скоро его из-

Куряльница опиума в кишлаке Боршор

мительная «лодка» была готова к плаванию. Это был «турсу» — местное приспособление для плавания через быстрые реки. Устройство его чрезвычайно просто: с убитого барана особым способом таджики снимают шкуру нелюком, совершенно не повредив ее. Места, где были ноги, перевязываются ремнями, а другие отверстия заделываются деревянными клепками. На месте шеи вставляется трубка, через которую вдувают воздух. Трубка закупоривается деревянной пробой — и турсу готов к действию.

Таджик привязал левую руку к «ноге» турсука и начал медленно входить в ледяную воду. Потом он лег на турсука, и плавно работая правой рукой и ногами, понесся по бешующей реке. Несколько секунд — и пловец, подхваченный стремительным течением, скрылся далеко за поворотом реки.

В полдень наш пловец вернулся. Развязав одну из «ног» турсука, он достал из него круглый кусок сырого опиума. Я заметил, с какой жадностью пловец смотрит на желтый, неприятно пахнущий маком круглый комоч, и отломил ему половину.

Через полчаса мы снова были в селении. Но на этот раз его жители приняли нас более радушно. Несколько мужчин с радостью согласились продемонстрировать перед нами, как они курят опий.

Мы направились в ближайший дом, а курьильщики побежали за трубами. На пороге жилища стояла молодая женщина с красивым, но преждевременно состарившимся лицом: она молчала, но по ее глазам было видно, что она ждет от нас «утошения».

— Разве женщины тоже курят? — спросил я у проводника.

— Речью многие. За опийем они готовы на все, — равнодушно ответил он.

Мы хлопотали вокруг аппарата, а курьильщики торопливыми движениями растапливали паласы и делали из коровьего масла свечи. Через несколько минут все было готово для «смки». Таджики и таджички, устроившись поудобнее на коврах, начали с наслаждением глотать про-

тивный дым тлеющего опиума. Очень скоро они перестали нас замечать, целиком отдавшись опьянению.

К концу «смки» меня стошнило. Я с радостью вырвался из клубов дыма, наплевистых орожденных высоким глиняным забором двора.

«Старини и моллават» — обрядовый танец горцев из селения Хитъ, выполняемый с большим искусством в особых костюмах и масках

Семка удалась, но на душе осталась какой-то противный осадок. Было больно наблюдать этих полууголовных бедняков, безнадёжно увлечённых гибельной травой.

И, повидимому, не скоро уйдёшь искоренить эти пережитки прошлого: слишком трудно проникнуть сюда новым веяниям.

Я привык ехать над пропастью. Сначала приходилось заставляя себя смотреть вниз на кипищую реку, потом постепенно это вошло в привычку, и голова больше не кружилась. Все реже сходили мы с лошадей. Часто, глядя на двухверховую тропинку перед ногами лошади, я думал: пройдет ли она здесь? Но ехать не хотелось и, не отвечая на вопрос, я машинально подстегивал коня.

За Боржомом дорога стала невыносимой. Появились знаменитые «овринги», слава о которых распространилась далеко за пределы Памира.

Представьте себе почти ровную каменную стену, высотой в несколько сот метров, о которую далеко внизу бьются волны Памира. Нужны тысячи пудов динамита, чтобы пробить в этой махине карниз, годный для выноса движения. Таджики вышли из положения гораздо «проще»: пользуясь небольшими выступами в этой стене, они прикрепляли к ней, при помощи упорных шпиль, в выбоины палок, плетёный из прутьев помост и засипали сверху сушь земли. У лошадей (главное у лошадей) создаётся иллюзия дороги. Но и они отказываются идти вперед, когда скрытые под землёю прутья начинают трещать под копытами, а «овринг» качается и скрипит. Никакой уверенности в такой «дороге» ни у кого нет — она может провалиться в любую минуту.

Мы думали, если передняя лошадь провалится, то за задних оползёт и нечего. В Хорго, однако, эта иллюзия рассеялась. Нам рассказали много случаев, когда как раз задние выюки проваливались в бездну.

Путешественно по «оврингам» занимало массу времени и сил. Во многих местах выюки цеплялись за скалы — настолько узка была «дорога». Приходилось останавливаться, развязывать лошадей и переносить вещи на руках.

Пятьдесят километров, оставшихся до Хорго, мы ехали, вернее шли, три дня.

Хорог — будущий город. Его единственная улица быстро удлиняется — одно за другим растут здания школы, больницы, кино. На пыльной дороге, ведущей к красноармейскому посту, тарихит кажим-то чудом попавший на Памир трактор, а над постом высится стройные мачты радио.

Каждый день по базарной площади маршируют колонны комсомольцев и пионеров, и песня о свободном Таджикистане заглушает рокот Памида.

ЧЕРНАЯ КРОВЬ (перенос со стр. 10)

Все это говорит о том, что СССР занимает исключительно выгодное положение в нефтяном отношении, являясь лакомым куском для обоих конкурирующих трестов.

Поэтому неудивительно, что английские «флиты» зеневы в меньшинствской «грузинской революции», неудивительно, что охотнее всего англичане оккупировали в гражданскую войну баканский нефтяной район, неудивительно, что именно вокруг советской нефти разгорелась та нефтяная война, которая идет сейчас между американскими и английскими трестами, между Рокфеллером и Детердингом.

Смысл этой войны прост. Тот и другой из высокопоставленных джентльменов прекрасно сознают, что, захватив право на покупку советской нефти, они задушат своего конкурента.

Сначала попытается это сделать Детердинг. Сорвался: не стоговался в цене. Более счастливым оказался Рокфеллер: ему удалось получить право на за-

купку крупных партий советской нефти. И вот тогда-то «Благородно» возмутился Детердинг.

— Помилуй бог! Какая безразличность! Рокфеллер покупает «ворованную» советскую нефть! Каждый, в ком бьется честное сердце, должен протестовать против этой безразличности сделки.

Наблюдая эту борьбу за мировое обладание нефтью, мы должны помнить два веских обстоятельства:

Первое: наша страна — самая богатая нефтью, и с каждым годом, по мере истощения мировых нефтяных запасов, наше положение будет становиться все более и более благоприятным, приведя в конце концов нас к полному господству на нефтяном рынке.

Второе: успехи в области рационализации и удешевления продукции в советских нефтяных районах колоссальны. Вот скучные цифры о наших победах на этом фронте.

Еще 5 лет тому назад 90% нашей нефти добывалось при помощи желонки. Те-

перь на долю желонки приходится не более 1%. Вся же остальная нефть добывается новейшим американским способом глубокого бурения, который на 25% ниже стоимости работы желонкой.

Почти в 2 раза удалось снизить и стоимость бурения. Если 2 года тому назад стоимость проходила 1 метра определялась в 413 р., то теперь она снизилась до 218 р.

Но особенно крупные успехи в области переработки нефти. В довоенное время из баканской нефти вырабатывалось лишь 4% дорогого и наиболее ценного бензина. Теперь же эта цифра достигла 10%, т.-е. увеличилась в 2½ раза.

Значит, второе, что должны знать и мы и наши враги — это то, что новые хозяева баканской нефти лучше умеют обращаться с нею, чем старые владельцы ее.

И, наконец, третье: слова самого сэра Детердинга: «Тот, кто захватит нефть — захватит власть. Страна, господствующая над нефтью, будет повелевать мировой торговлей».

П Ъ Я Н Ы Е К О Р Н И

Очерк М. Грэна

— Вхому в нормальность... И маники нет и водно...

ВОРОБЬИНЫЕ ОКОШКИ

КОМНАТКА — в роде воробьиной клет- ки. Воробьи не держат в клетках? Ну, ладно — скажем, гнезда. Как же на- звать тогда небольшие вырезы-окошки, в которые одна за другой заглядывают стриженные и лохматые головы с мутны- ми, уставшими глазами, с измятыми, в мор- щинках лицами?

Трудно понять, как работают три женщины в белых халатах на двухар- шинном пространстве, среди сотен, ты- сяч карточек в ящиках и папках на вы- соких, во всю стену, полках, — под не- прерывным потоком вопросов, запросов, напоминаний, просьб... И действительно работать очень нелегко. Но как-то спра- вляются — проворно, с улыбкой, пишут, регистрируют, отправляют, внимательно выслушивают и внимательно отвечают.

Иначе нель- за: больные спившиеся, сплошь и ря- дом совершенно издерган- ные, несдер- жаные — с ни- ми надо быть особенно осто- рожным и мил- ким, хотя бы во внимание к их почтен- ному «стажу». 20—30-летний алкоголизм за плечами — здесь самое заурядное яв- ление. Они идут сюда, чтобы лечить- ся, сбросить с плеч груз каменней и разоритель- ной привычки страсти, помо- лодеть на чет- верть века и во многом начать жизнь сызно- ва. Одним сло- вом — это нар- кодиспансер.

„ВХОДУ В НОРМАЛЬНОСТЬ“

Маленький кабинет — сто- лик врача, скамья и пара кресел. Да разве где-нибудь не тесно в диспансере? У вешалки, в канцелярии, в ожидальной — за длинным столом с журналами и ша- ками, в лаборатории и ка- бинетах? С каждым месяцем известность диспансера ра- стет, количество пациентов прибывает, — а места не при- бавляется. Многим уже при- ходится отказывать: и без- того на приеме бывает, вме- сто нормальных пятнадцати, человек 30—40.

Первичные смущаются, повторный входит свободнее, как старый знакомый. Иной подтора- два года лечится, — больной и врач насквозь уже знают друг друга.

Здесь не совсем, не отвертешься. А собственно — к чему же? Для своей же пользы пришел.

— Вхожу в нормальность... И маники нет к водке...

Это говорит пожилой рабочий в за- платанных сапогах и новом пиджаке. С гордостью показывает:

— Вишь, какую обнову купил. Скоро вон хромовые сапоги справлю — знай наших!

— А раньше?

Врач с добродушной усмешкой смот- рит в упор.

— Раньше — что раньше? — машет рабочим. — Четвертную в месяц про- шивал — дело верное...

В соседней клетушке больной, поенившись, подставляет ногу для давания кислорода

— Значит, доволен?

— Ну, как же...

Рабочий почти обижен.

— Вот и славно. А что же ты пять ме- сяцев не ходил? Забываешь нас?

— Забывать не приходится, да бес- покоить вас не охота. Все равно — не пью. Полгода уже не пью.

— Нет, нет, голубчик, ходить надо, ка- ждые две недели ходить. Ну, будь здо- ров — наведывайся.

И в догонку:

— Да попроси там следующего...

Вошел нерешительно, уселся бочком, то и дело без нужды проводит рукой по лицу. Комсомолец-активист, хорошо за- рабатывая, пользовался авторитетом, до- дериваемый и всего предприятия. Со- шелся с шальной кампанией, стал выпы- вать, дальше — больше, втянулся. Все ку- вырком по- ло. Стал возвращаться домой пья- ным, колотил мать-старуху, грозил окру- жающим ре- вольвером, в припадке то- ски пытался повеситься с товарищи спаси. Слетел с ответственной работы, потом с про- изво дства, долго штался без рабо- ты, — приш- лось матери пирожками торгovať (больше нико- го все не нет). Кто-то наду- мала обратить в диспан- сер. Теперь не пьет, снова на работе, поне- многу возвра- щается к нор- мальной, здо- ровой жизни. Но изредка

... По приназанию подымаются и застывают в воздухе руки...

еще срывается. Вот и сейчас сидит сконфуженный, стыдится смотреть врачу в глаза.

— Так как же, Иванов, покочим с этим, а? Ты ведь человек сознательный, решился бороться — значит, до последнего нужно. Так, что ли?

— Да уж так, — отвечает Иванов смущенно. Вглядывается исподлобья на врача и сразу выпрямляется. Решительно стискивает зубы, ударяет рукой о стол: обязательно возьмет себя в руки и бросит пить.

— Сделано. Точка, — ободряюще говорит врач и направляет парня на вздувшиеся кислороды.

Помимо чисто лечебной работы, врачи диспансера несут большую общественную работу в форме антиалкогольных лекций и докладов — каждый на нескольких предприятиях. Их помощниками на местах являются комиссии по оздоровлению труда и быта (КОТИБ), представители которых дважды в месяц собираются в диспансере и рассказывают о проделанной работе. Диспансер дает КОТИБам оружие науки, за КОТИБами знание местных условий и постоянная близость к рабо-

чим. Диспансер поддерживает непрерывную связь с больными, сестры навещают их на дому, знакомятся с домашним бытом и условиями, с их семейной жизнью, спрашивают о здоровье, ободряют падающих духом, уговаривают неаккуратных пациентов продолжать лечение. Чрезвычайно характерно, что даже в пьяном виде сестры не трогают и очень редко скандалят. Это лучше всего показывает, каким доверием и уважением пользуется диспансер у своей многочисленной «клиентуры»...

ОТ ЧУНОК К СВОЕЙ ВОЛЕ

В кабинете начался сеанс массового гипноза. Люди сидят в непринужденных позах, и доктор мерным, но внутренне-напряженным голосом внушает им, что их ожидает глубокий, укрепляющий сон, от которого они очнутся с отвращением к водке. И в самом деле, еще несколько минут, и один за другим больные погружаются в сон, виснут руки и головы, слышится чье-то тяжелое дыхание. Теперь они во власти врача, — по его приказанию подымаются и заставляют, кочают в воздухе руки и ноги.

Кончен сеанс, врач осторожно будит больных. Они открывают глаза, потягиваются и, усмехаясь, подымаются с мест. Встают оживленными, бодрыми, с уверенностью в победе над собой. Пока что над ними вступает чуждая воля, но по мере лечения крепнет расшатанный организм, прибавляет силы, и больной начинает все больше черпать энергию в самом себе.

Огромная работа — при ничтожных силах и средствах. На всю работу и организацию диспансера ассигнуется 20,000 рублей в год. А если подсчитать убытки от одних только прогулов, простоев и порчи машин, принимаемых пьянством, то получаются миллионы. И здесь ни одному, ни двум диспансерам не справиться. Вот почему работники антиалкогольного фронта возлагают большие надежды на вновь организованное Московское общество по борьбе с алкоголизмом, куда вошли представители научных, литературных, политических и рабочих организаций. Только опираясь на такие широкие плечи, можно рассчитывать на победу над вековым врагом.

Начальник станции — «Дон-Диего» и Пелагеев

Комсомольцы в учреждениях не могут добиться толку у сотрудников

МОЛОДЕЖЬ В КИНО

(«Дон-Диего и Пелагеев»)

На полуставке Замина хозяйничает молодой человек в эскизнообразной фуражке, отрывающейся от любимого им романа о Дон-Диего лишь, когда проходит почтовый поезд... и то только, чтобы покурить у себя пачку такой-слонкой столичной «пачки» у окна вагона.

Почтовый поезд является также большим праздником для близлежащих деревень, откуда к прибыванию прибавят бай с молоком, яйцами да пирогами.

И вот, однажды, когда «Дон-Диего» был не в духе, он решил излить свою злобу на оторванную от байбы старушку Пелагееву. Демину, на которую составил протокол и отправил по инстанции. В результате старушку начали тащить, и она оказалась в тюрьме в камере судьи, но и в ДОПР, «как государственная преступница».

Остатки старики Демину стало ясно, что со старухой в городе что-то неладное случилось. И тяжело ему, и больно: старухи нет, у коня молоко бегает, молочное хозяйство в расстройстве. Ходил и к бабужке за помощью, и к приехавшему «члену общества изучения деревни» обратился — ни от кого толку добиться не мог. И только благодаря инициативе одной комсомолки распутался узел. И сейчас постановила в отсутствие Пелагеев обсудить хозяйство, и деструктурировала злых и гордых, чтобы вырвать из ДОПР Пелагееву. В городе комсомольцам пришлось из-за бюрократизма всей чиновничьей лестницы долго промочить бей толку, и только благодаря вмешательству секретаря укома удалось освободить Пелагееву.

История Пелагеев и Дон-Диего показала на экране режиссером Протазановым очень арко: все действующие лица, даже показывающиеся

на секунду, обладают характером, выглядят живыми и правдоподобными. Очень все проницательно, избранны пужаки и остро-сатирические положения, наглядизирующие мысль о борьбе с бюрократизмом, что сообщает картине хороший, энергичный темп. Как хорошую деталь, отметим трюк: в конце когда старик приходит в ятешку, бьет Калинин сначала удивлен, потом расплывается в улыбку и, наконец, хохочет. Это «оживление» бьетса удачно проведено мультипликационным способом актеру Оленников.

Картина в целом — агитационная в лучшем смысле слова. Она агитирует, показывая не выдуманные, а правдоподобные, жизненные случаи.

А. Л. Г.

ТОВАРИЩ ЧИТАТЕЛИ

Что ты сделал для увеличения тиража журнала «Смена», чем ты помог делу его распространения?

Обязанность каждого читателя «Смены» всемерно помогать строить и распространять свой журнал.

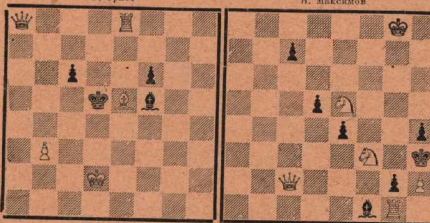
В № 7 «Смены» будет помещена первая «Страничка читателя» с предложениями о содержании и распространении журнала «Смена».

Задача № 10

Г. Эрст

Задача № 11

Н. Максимов

Мат в 2 хода

Мат в 2 хода

Фамилия, т.е. приславших правильное решение, будет напечатана. Ошибочные решения и фамилии решивших начнутся со следующего номера. К сведению: в задачах первый ход делает белые.

ПАРТИИ № 3

Индийская

УЧИТЕСЬ НА ПАРТИХ МАСТЕРОВ

Матч Ленинградских и московских вузовских, состоявшийся в феврале в Ленинграде, закончился блестящей победой ленинградцев со счетом 2-2-16. Столь блестящая победа должна быть объяснена не столько разницей в классе игры, сколько неудачным подбором московской команды, в составе которой отсутствовали лучшие шахматисты. Несомненно, если бы матч происходил в Москве, результат был бы иным. Приводим одну из партий этого матча, изданную представителем Ленинграда.

Белые: Вельский (Ленинград).

Черные: Гериман (Москва).

1. d2—d4 Kc8—f6
2. c2—c4 e7—e6
3. Kf1—e3 Cf8—b4
4. f2—f3 d7—d5
5. e2—e3 d7—d5
6. c3—d2 c5—d4

Черные стремились в виде комбинации на более естественную игру создать в лагере белых слабость—неоднородную пешку.

7. Kc1—f3 Kc8—e6
8. Kf1—f3 0—0
9. d2—d3 Cc4—c3
10. d2—c3 d5—d4
11. Cf1—e4

Неоднородная пешка у белых обнаружилась, но слабость ни это! Уже давно примеры отдельных партий не показывали, как эта слабость превращалась в фактор победы.

12. Lb1—f1 Kf6—d6
13. Cc3—d2 f7—b6
14. 0—0 Fd8—f6
15. Lb1—e1 f8—d8
16. Lb1—e4!

Отличная ход. Белые подготовили атаку далей по линии e.

16. Kc6—e7
17. Kf1—e5 Ke7—e6
18. Ld1—e1 Cc4—c3
19. Cc4—d3 Cc8—b7

Сила черных развивалась и как будто выжидает в отступлении далей e4, но белые подготовили блестящую комбинацию.

20. Kc4—e4 Ff6—e7
21. Ld4—d1 f7—f6
22. Cc3—e6

Белые повергали качество за пешку, но получили надвоемное преимущество в положении.

22. Lc8—e8
23. Cc5—d3 Ff7—d6
24. Kc4—e5 Kd5—f6

Теперь наступает атака. Атака не черным, потому что они не могут.

25. Cc6—f7 Kc8—f8
26. Cc3—b4 Kc6—e5
27. d4—d5 Ff6—d6
28. c5—c6 f4—d3
29. Cb4—d3 Ld8—d6
30. e5—e6
31. Cf7—e6

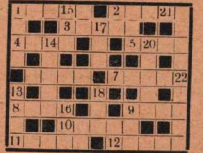
Черные сдались.

№ 25. ПЕРЕСЛЕННЫЕ СЛОВА

Предлагаем нашим читателям игру «Пересланные слова» заимствованная из иностранных журналов. За границей эта игра называется «Слова в кресты». В основном, в театре, дома—везде, где есть минуты отдыха, люди сосредоточенно сидят и решают эти загадки.

Сущность игры: в светлых клетках надо написать по одной букве так, чтобы при чтении по горизонтальным строкам слева направо и вертикальным строкам сверху вниз получались бы различные слова. Начала этих слов обозначены на картинке, на квадрате с цифрой пишутся первая буква слова.

Все слова кончатся у черной клетки.

Горизонтальные строки: 1—украшение; 2—английский ресторан в старом Петербурге; 3—то, что возмущает на могиле; 4—орудие похищения в португальском доме—мусорное ведро; 5—национализм, особенность семитской расы; 6—интерес в каждой клетке помещения; 7—судорожный крик; 8—железная кляпка для наведения; 9—паросред; 10—группа людей, объединившихся для совместного дела; 11—отдельные члены конфирмации; 12—а-то, откуда идет свет.

Вертикальные ряды: 1—прежнее обращение к хозяину; 2—известный английский писатель (современник); 3—знак фирмы; 4—жесткое имя; 5—жесткая болячка; 6—река; 7—много стрел; 8—жесткая ладья; 9—жесткая ладья; 10—жесткая ладья; 11—жесткая ладья; 12—жесткая ладья.

За решение этой задачи (она идет уже конкурс, объявленный в № 5 нашего журнала) поряе пять т.т. приславшие правильное решение, получат сборник «На сущие на море».

№ 26. ГОЛОВОЛОМКА

Вспомогательный материал: 1) особенность размысливания; 2) техника размысливания; 3) игра в игру; 4) игра в игру; 5) игра в игру; 6) игра в игру; 7) игра в игру; 8) игра в игру; 9) игра в игру; 10) игра в игру; 11) игра в игру; 12) игра в игру.

Подпись к портрету найти в самом рисунке.

№ 27. ЗАГАДКИ

1. Поднять можно, а через шаг переключить нельзя.
2. В доме мерзнет, а на дворе не мерзнет.
3. В поле родился, а поди боится.
4. Не вода и не суша; покоряли не плавают и ходить нельзя.

№ 28. ТАНАГРАММЫ

Служат курьез развлекать на чашечке, в которых требуется сложить квадрат (см. «Смена» № 6).

№ 29. ЗАГАДКИ-ШУТКИ

1. В каких чепелюх нельзя ходить?
2. Кто из рабочих самый приятный?
3. Из какой птицы двух жидких можно составить название ады?
4. Какой болезнью никто на земле не болен?
5. Как из одной сучки, не ломая, составить треугольник?
6. В каком месяце года мы чаще обычного отвечаем и упрямеем?
7. Какой город является акушим местом?

К. П. (п. Курев)

№ 30. ПАРАДА

Наличие—пара осенних вестер, Невроз—пара осенних вестер, Невроз—пара осенних вестер.

В конце найдете вы часть света. А целое тоже найдете вы часть света.

А. Михеев (Москва)

№ 31. ПАРАДА

Мой первый слог—местоимение. Второй слог—глазница болельца. А третье будет нам спускание.

№ 32. ПАРАДА

Нота первая—в начале. А вторая—у балов. У балов, у козлов. Что ж все вместе? Отгадывай!

№ 33. ЗАДАЧА БУКВ

Найти 3 слова, означающие: речное животное, часть ады и подарок. На всех букв этих слов составить название города СССР.

К. К. (п. Курев)

ХОД КОНКУРСА

Конкурс на решение и составление первой конкурсной задачи объявлен в № 1. За каждую решенную задачу составленную задачу, которую не удалось решить, выданы призы.

Редакция предполагает закончить первую конкурсную задачу. В конкурсе участвуют: Сибирь, Урал, Туркестан и т. д. А проигрывает конкурс, ады и подарки. На всех букв этих слов составить название города СССР.

В № 2 конкурс объявлен. В конкурсе участвуют: Сибирь, Урал, Туркестан и т. д. А проигрывает конкурс, ады и подарки. На всех букв этих слов составить название города СССР.

